

СТАЛИНИАНА

ОЛЕГ МОЗОХИН

СТАЛИН

И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Сталиниана

Олег Мозохин

Сталин и Дальний Восток

«ВЕЧЕ»

2020

Мозохин О. Б.

Сталин и Дальний Восток / О. Б. Мозохин — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Сталиниана)

ISBN 978-5-4484-8213-7

Новая книга историка О. Б. Мозохина посвящена противостоянию советских и японских спецслужб с 1920-х по 1945 г. Усилия органов государственной безопасности СССР с начала 1920-х гг. были нацелены в первую очередь на предупреждение и пресечение разведывательно-подрывной деятельности Японии на Дальнем Востоке. Представленные материалы охватывают также период подготовки к войне с Японией и непосредственно военные действия, проходившие с 9 августа по 2 сентября 1945 г., и послевоенный период, когда после безоговорочной капитуляции Японии органы безопасности СССР проводили следствие по преступлениям, совершенным вооруженными силами Японии и белой эмиграцией. Данная работа может представлять интерес как для историков, так и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4484-8213-7

© Мозохин О. Б., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

На тайной линии огня	6
Введение	9
Глава I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Борисович Мозохин

Сталин и Дальний Восток

*Памяти историка органов государственной безопасности
полковника ФСБ России Ямпольского Владимира Павловича посвящаю*

На тайной линии огня

Япония и ее народ вызывают всё больший интерес в нашей стране. Российская общественность закономерно желает больше знать об истории, экономике, Силах самообороны Японии, одной из ведущих стран Азиатско-Тихоокеанского региона, играющей всё более заметную роль в мировой политике. К тому же Япония – наш сосед на Дальнем Востоке, и отношения между двумя странами не раз сплетались в довольно сложные узоры. В истории остались и начавшаяся без объявления Русско-японская война 1904–1905 гг., и сопровождавшаяся нечеловечной жестокостью японская военная интервенция 1918–1922 гг., и тщетные попытки Квантунской группировки войск и японской Корейской армии прощупать прочность границ СССР и его союзников у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол...

В наши дни от отношений между Россией и Японией в немалой степени зависит обстановка на всём Дальнем Востоке, в Азии и в бассейне Тихого океана. Чтобы правильно оценить перспективы развития этих отношений, нужно знать не только их нынешнее состояние, но и прошлое – как недавнее, так и далекое, становление и формирование связей между двумя странами. В самом широком смысле прошлому советско-японских отношений, их первым страницам и посвящена книга доктора исторических наук О. Б. Мозохина «Сталин и Дальний Восток»¹.

Российская Федерация завершает второе десятилетие XXI в. в условиях значительной внешнеполитической и социальной напряжённости, непрекращающихся притязаний на её государственный суверенитет, в т. ч. и со стороны современной Страны восходящего солнца. Перечисленные обстоятельства определяют сложную и многоплановую совокупность действий по блокированию внешних и внутренних угроз. Всё это требует постоянного внимания к проблемам обеспечения безопасности страны, как на общегосударственном, так и региональном уровнях. В современных условиях безопасность государства невозможно обеспечить без понимания уникальности теоретико-прикладного курса страны, а также комплекса идей, концепций, доктрин, программ, реализуемых в интересах управления социумом. Их осмысление позволяет понять и учесть исторический опыт становления отечественной государственности, минимизировать последствия допущенных управленческих ошибок, определить порядок нейтрализации угроз, возникающих в различных сферах функционирования государственного механизма.

Вот почему в настоящий момент важным направлением, актуальным для ретроспективного изучения, является исследование и анализ опыта деятельности органов государственной безопасности СССР по противоборству спецслужбам Японии, осуществлявшим разведывательную и иную подрывную работу против советского Дальнего Востока. Отличительной особенностью представляется выбранный автором широкий временной отрезок, охватывающий 1917–1945 гг., в который, как известно, в условиях конфронтационных отношений с большинством европейских и азиатских стран происходил сложнейший процесс становления и укрепления Советского государства. После окончания Гражданской войны руководство Страны Советов небезосновательно опасалось новой интервенции, а в дальнейшем, в годы Второй мировой войны, – и войны на два фронта. В этой связи огромное внимание уделялось получению объективной информации о политических и военных планах соседних, тем более агрессивных, государств и обеспечению сохранности собственных секретов и тайн посредством эффективно действующей системы контрразведки.

Постсоветское тридцатилетие характеризуется частичной открытостью источниковой базы, пересмотром доктринальных подходов к анализу исторических событий и фактов.

---

¹ Мозохин О. Б. Сталин и Дальний Восток. М., 2020.

Поэтому изучение опыта деятельности органов госбезопасности в 20-40-е гг. XX в. позволяет, отбросив конъюнктурные пропагандистские характеристики, извлечь необходимые уроки, сформировать выводы, определить возможные направления деятельности органов безопасности современной России.

Безусловную роль в изучении указанных факторов играет региональный аспект. Проведение научных исследований через его призму позволяет раскрыть геополитическую и социально-экономическую специфику исследуемых регионов. Проследить изменение слагаемых государственной политики по обеспечению безопасности личности и общества, защиты территориальной целостности государства. Именно такой подход удачно реализован в очередной монографии О. Б. Мозохина, посвящённой Дальнему Востоку России. Автором рассмотрен опыт работы советских органов госбезопасности по противодействию спецслужбам Японии как в целом по стране, так в особенности и на её дальневосточной окраине в период с начала Гражданской войны и до так называемого историками Августовского шторма 1945 года. Этот опыт как никогда сегодня востребован в подготовке сотрудников специальных служб, а также борьбе против угроз национальной безопасности Российской Федерации, выражающихся, в частности, в попытках ряда государств подвергнуть ревизии незыблемые итоги Второй мировой войны. И японская истерия по несостоятельному поводу возвращения якобы своих «северных территорий» – один из тому примеров.

Монография базируется на основе внушительного количества различных материалов и источников. Значительную ценность представляют приводимые документы из четырёх государственных и шести ведомственных архивохранилищ. Как официального, так и личного происхождения они отражают не только крупные исторические процессы, события и явления в стратегически важном регионе СССР, но и историю повседневности. В их сопоставлении, взаимном дополнении и анализе открывается перспективное направление для современных историков. Исследовательский инструментарий, применённый автором, весьма обширен. Результативно использованы исторические приёмы описания событий, сравнения, построения аналогий, противопоставлений, выделения значимых критериальных оснований.

Необходимо подчеркнуть, что работа не носит краеведческого характера. Она представляется удачным конгломератом, опирающимся на выявление всеобщего, общего, особенного и единичного. Средством его реализации, повторим, стал огромный массив неопубликованных документов, извлечённых автором из фондов федеральных и региональных архивов, музеев, опубликованных документальных материалов, периодической печати и мемуаров участников событий. Большинство документов, представленных в издании, введены в научный оборот впервые. Исследователь-историк опирался и на солидный корпус вторичных источников, имеющих значимый историографический контекст. О. Б. Мозохин проанализированы исследования, проведённые ведущими специалистами по рассматриваемой проблематике, такими как В. П. Ямпольский, А. В. Полутов, Е. А. Горбунов, К. Е. Черевко, А. М. Буяков, О. В. Шинин, С. Николаев (Чумаков), а также труды учёных, не работающих в области истории спецслужб: К. Тэраямы, С. В. Смирнова, Е. Н. Чернолуцкой, А. В. Усова, В. С. Мильбаха и др. Автор издания отмечает, что, несмотря на то что все изученные работы конкретные, обоснованные и методологически корректные, однако ни монографических, ни диссертационных исследований, имеющих абсолютное сходство по своей предметно-объектной сути с предлагаемой работой, им обнаружено не было.

Представляется, что научная новизна издания заключается в целенаправленности исследования характеристик обеспечения безопасности в 20-40-е гг. XX в. и в органичном дополнении их за счёт имплементации региональных особенностей её реализации. Автору удалось выявить тенденции и обстоятельства формирования самостоятельных сегментов политики обеспечения безопасности государства и личной роли И. В. Сталина в этом, определить зако-

номерности, причины и условия, детерминировавшие реализацию государственного подхода в Дальневосточном регионе.

Представленная работа является специальным самостоятельным исследованием, основанным на богатом документальном наследии не только партийной номенклатуры, советских органов госбезопасности, но и главного противника последних в рассматриваемый период – спецслужб Японии. Приводимые в монографии архивные трофейные материалы органов разведки и контрразведки Страны восходящего солнца предоставляют редкую возможность проведения полноценного и, так сказать, «двустороннего» анализа рассматриваемой проблемы. Основная их часть, по утверждению автора, вводится в научный оборот впервые. Новизна опубликованных документов и выдержек из них придаёт рецензированному изданию особую значимость.

В целом материалы монографии предоставляют возможность расширить историографию истории России и её Дальнего Востока, отечественных спецслужб, полнее осветить инвентарий советской внутренней и внешней политики, глубже осознать роль региональной элиты и тайных политических операций государства для достижения геополитических целей и обеспечения внутренней безопасности страны. Издание позволяет усилить значимость темы и понять, что деятельность советских органов госбезопасности способствовала реализации внутренней и внешней политики государства в 20-30-е гг. XX в., победе СССР в Великой Отечественной войне и разгроме милитаристской Японии в августе – сентябре 1945 г., помогла защитить геополитические интересы нашей страны на Тихом океане.

В частности, автор раскрывает неизвестные ранее особенности построения широко разветвлённой сети разведывательных структур Японии на оккупированных территориях соседствующих стран. Пожалуй, впервые уточняется, что наряду с официальными органами японской разведки и контрразведки в Корее и Маньчжурии работниками военной контрразведки «Смерш» Тихоокеанского флота в г. Харбине был вскрыт глубоко законспирированный радиоразведывательный центр при Управлении Южно-Маньчжурской железной дороги. Этот орган японцами назывался русским отделом при общем отделе Управления ЮМЖД, фактически же являлся разведывательным центром японской военной разведки, имевшим свои филиалы в г. Сахалине, Хайларе и Расине. Радиоразведывательный центр насчитывал в своем составе в разное время от 25 до 37 сотрудников, которые подбирались из членов белоэмигрантских антисоветских организаций. Ими ежедневно производились радиоперехват радиостанций Советского Союза, прослушивание радиотелефонных и телеграфных переговоров, выявление новых радиостанций, радиоперехват кодированных радиogramм, которыми обменивались воинские учреждения и части как сухопутных войск, так и ТОФ, АКВФ и радиостанций Дальневосточного морского пароходства...

Расширение спектра научных исследований, в том числе регионального характера, положительно сказывается на понимании необходимости деятельности органов безопасности. Они всегда были, есть и будут готовы на тайной линии огня защищать Отечество от происков недоброжелателей. Всем интересующимся историей отечественных и зарубежных спецслужб, и в особенности практическим подразделениям специальных служб России будет интересен обобщённый в исследовании опыт работы советских органов госбезопасности по противодействию диверсионно-террористической деятельности экстремистских организаций и разведывательно-подрывной работе иностранных государств.

*Доктор исторических наук, профессор А. М. Плеханов,
кандидат исторических наук С. В. Тужилин*

Введение

С первых дней советской власти и до окончания Второй мировой войны Япония активно готовилась к нападению на Советский Союз. Преследовалась цель оккупации и в дальнейшем отторжения территории Дальнего Востока.

В период Гражданской войны на Дальнем Востоке существовала буферная буржуазно-демократическая Дальневосточная республика. В это время Япония оккупировала Приморье и Северный Сахалин.

Основными формами подрывной деятельности были избраны: шпионаж, диверсии, террор, заговоры и организация повстанческой деятельности. В подрывной деятельности против СССР использовались белогвардейские элементы, китайские, корейские и японские граждане. Руководили этой работой кадровые японские разведчики. Перед выводом своих войск с ДВК японские специальные службы активно развернули мероприятия по массовой вербовке агенты, рассчитывая в дальнейшем использовать это средство в борьбе против Советского государства.

После установления дипломатических отношений между СССР и Японией последние солдаты оккупационных японских войск покинули Дальний Восток и Северный Сахалин. Однако планы отторжения территории СССР остались.

В первой половине 1931 г. японский Генеральный штаб приступил к непосредственной подготовке захвата Северо-Восточного Китая. Оккупировав эту территорию, японцы большое внимание стали уделять активизации разведывательно-подрывной деятельности специальных служб, стремясь максимально использовать их возможности в подготовке и ведении будущей войны против Советского Союза. На оккупированной территории Маньчжурии стал создаваться плацдарм для нападения на СССР.

Интересы Советского Союза в Китае после «маньчжурского инцидента» оказались под угрозой. Северная Маньчжурия, бывшая сферой влияния России, была фактически включена в состав японской империи. В марте 1932 г. было объявлено об образовании независимого маньчжурского государства Маньчжоу-Го, а в марте 1934 г. это государство превратилось в империю, которая во всех отношениях зависела от Японии.

Советский Союз мог также потерять свое влияние и в Монголии. По мнению японских политиков, МНР должна была входить в состав маньчжурской империи. В связи с этим СССР предпринял попытки предотвратить возможное нападение на Монголию посредством заключения с Японией пакта о ненападении, которые предпринимались в 1931 и в 1932 гг., однако эти попытки были безрезультатны.

В 1934–1935 гг. японские войска неоднократно провоцировали конфликты на советско-маньчжурской и монголо-маньчжурской границах в отношении КВЖД, последнего оплота советского влияния в Северной Маньчжурии. В результате этих действий железная дорога в марте 1935 г. правительством СССР была продана властям Маньчжоу-Го.

Учитывая то, что японской армией в будущей войне с Советским Союзом придется иметь дело с Красной армией, проводилась соответствующая подготовка и соответствующие мероприятия, направленные на подготовку японских войск для войны с СССР.

В это же время усиливаются японские спецслужбы. По мнению руководства армии, они не отвечали новым возрастающим требованиям. В связи с этим в 1934 г. была разработана инструкция по разведывательной работе штаба Квантунской армии против Советского Союза, в которой определялись задачи и обязанности каждого разведывательного органа. Всем разведывательным подразделениям указывался конкретный участок подрывной работы против СССР, перечислялись методы осуществления разведывательно-диверсионных акций. Уста-

навливался порядок отчетности перед 2-м (разведывательным) отделом штаба Квантунской армии.

Подписание 25 ноября 1936 г. соглашения между нацистской Германией и Японией, известного как Антикоминтерновский пакт, еще более обострило отношения. Вскоре после этого события японское правительство провело реорганизацию разведывательных и контрразведывательных органов. В 1937 г. при кабинете министров Японии было создано специальное бюро, которое руководило всеми разведывательными органами, установив жесткую централизацию в работе секретных служб и усилив их подрывную деятельность против Советского Союза.

В это время Япония приступила к непосредственной подготовке войны против Советского Союза. Генеральным штабом при участии 2-го управления была издана т. н. «Красная книга», с которой знакомили только старший офицерский состав. Это был сборник материалов о Советских вооруженных силах, подобранных таким образом, чтобы дать японским офицерам наглядное представление о Красной армии. Ознакомление с ним способствовало подготовке японских офицеров к будущим боевым действиям против СССР. С этой же целью военным министерством Японии начал издаваться специальный военный журнал. Во всех офицерских училищах Японии был введен для обязательного изучения русский язык.

В конце тридцатых годов японцами стали провоцироваться вооруженные конфликты. Так, в июле 1938 г. возникли территориальные претензии между СССР и Японией в районе оз. Хасан, на границе с Маньчжурией. Дипломатические переговоры ни к чему не привели. У японцев появилась реальная возможность проверить свои войска в действии, которой они с успехом воспользовались. Войсковая операция у высоты Заозерной и сопки Безымянной показала слабость Красной армии. Конфликт был урегулирован дипломатическим путем.

По итогам этих боев Сталин отмечал, что боевая подготовка советских войск оказалась на недопустимо низком уровне. Оказалось, что Дальневосточный округ к войне готов не был. Советским правительством были сделаны необходимые выводы по улучшению боеготовности Красной армии.

Через год, 11 мая 1939 г., японские войска совершили вооруженное вторжение на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. К этому времени Советский Союз сумел перевооружить Дальневосточную армию, заменить командный состав, провести обучение личного состава. В соответствии с протоколом о взаимопомощи с Народной Монголией, который был к этому времени заключен, сумел оказать военную помощь союзнику. Войска Японии в течение четырех месяцев были разгромлены. Это поражение несколько охладило воинственный пыл японских милитаристов, вынудило их проводить более осторожную политику по отношению к СССР.

Подписание советско-германских соглашений в августе-сентябре 1939 г. повлекло за собой и урегулирование японо-советских отношений. Вне всякого сомнения, позиция Германии сыграла здесь определенную роль. 13 апреля 1941 г. министры иностранных дел Японии и СССР подписали в Москве пакт о нейтралитете сроком на пять лет. Естественно, и для СССР, и для Японии этот пакт не являлся сдерживающим фактором в планировавшейся войне. Для ввода войск можно было найти массу причин. Сейчас можно с уверенностью сказать, что если бы Германия захватила Москву, то Япония, вне всякого сомнения, ввела бы свои войска на территорию СССР.

После нападения Германии на СССР Япония поддержала эту агрессию. О начале войны с Советским Союзом Япония была заранее предупреждена своим военным союзником. Теперь ей оставалось только определиться с датой нападения на СССР.

В это время японские специальные службы прилагают максимум усилий, чтобы определить такой момент. В решении этого вопроса использовались возможности агентурных источников, официальных сотрудников спецслужб, находившихся в годы войны в СССР под различ-

ными прикрытиями, службы радиоперехвата, информационно-аналитической службы, а также другие силы и средства.

Значительно увеличилось количество забрасываемой японской агентуры в СССР, которой давались задания по разведке военных объектов, а также по установке фактов переброски советских войск с Дальнего Востока на Западный фронт. Через агентуру в приграничной советской территории распространялись провокационные слухи, разбрасывались антисоветские листовки с изменническими призывами, рассказывавшими об успехах немецких войск. В пропагандистских целях японская разведка применяла громкоговорящие радиоустройства, устанавливая их на границе и транслируя передачи на сопредельную советскую территорию.

С началом войны Япония активно стала готовиться к оккупации Дальнего Востока и Сибири. Спецслужбами были даже посланы на оккупированные Германией территории СССР представители разведки с целью изучения опыта деятельности немецкой администрации. Выводы, сделанные на основании собранных данных, рекомендовались для практического использования в период оккупации советской территории японскими войсками.

Но они не смогли воспользоваться этими рекомендациями. Ход войны сложился не по тому сценарию, который предполагался японским правительством. Победа советских войск под Москвой способствовала тому, что Япония вынуждена была строить свою политику в соответствии с пактом о нейтралитете и даже пыталась выступить посредником в переговорах между Гитлером и Сталиным по прекращению военных действий.

В дальнейшем, в связи с успехами Красной армии в войне с немецко-фашистскими войсками, японским правительством было принято решение о соблюдении нейтралитета с Советским Союзом, чтобы исключить войну на два фронта одновременно, с США и СССР.

Однако еще до окончания Великой Отечественной войны, во время Крымской конференции главы трех государств: Сталин, Рузвельт и Черчилль, 11 февраля 1945 г. подписали Соглашение относительно участия Советского Союза в войне против Японии. По предварительной договоренности СССР должен был вступить в войну при условии восстановления его прав, нарушенных нападением Японии в 1904 г. В частности, возвращением южной части острова Сахалина и всех прилегающих к нему островов; интернационализацией торгового порта Дайрена и восстановлением аренды Порт-Артура как военно-морской базы СССР; совместной эксплуатацией Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог; передачей Курильских островов. Главы государств согласились, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

После окончания Великой Отечественной войны американцы и англичане стремились втянуть СССР в войну с Японией как можно быстрее. У союзников уже выработалась привычка «загрести жар чужими руками». Имелась информация о том, что высшие правительственные и военные круги США и Англии настаивали на завершении войны с Японией только ее полной капитуляцией.

Советская разведка следила за политической обстановкой в Японии, за морально-психологическим состоянием и настроениями в японском правительстве и других слоях населения, за динамикой изменения их после капитуляции Германии. После шокового воздействия на сообщение о капитуляции военно-политического союзника в японском обществе усилился страх перед будущим вступлением СССР в войну. Разведка фиксировала перегруппировку сил японской армии на азиатском материке – в Китае и Корее, переброску значительной части ее из Южного Китая на север к советской границе. Отмечала озабоченность Чан Кайши возможным усилением позиции Коммунистической партии Китая в связи с вступлением СССР в войну.

Согласно принятым обязательствам, СССР после Крымской конференции стал вести подготовку к войне. 3 июня 1945 г. ГКО утвердил перечень войсковых соединений и частей, подлежащих перевозке в состав Забайкальского и Дальневосточного фронтов и Приморской группы войск. При этом Генштаб Красной армии обязывался закончить перегруппировку

войск в состав Забайкальского, Дальневосточных фронтов и Приморской группы войск к 1 августа 1945 г.

30 июня 1945 г. Маршал Советского Союза А. М. Василевский был назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке с подчинением ему с 1 августа 1945 г. Забайкальского и Дальневосточного фронтов, Приморской группы войск и Тихоокеанского флота.

7 августа 1945 г. Ставка Верховного главнокомандования приказала войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов 9 августа начать боевые действия для выполнения задач, поставленных ранее директивами Ставки.

Перед этим, 8 августа 1945 г., советское правительство через посла Японии в Москве заявило, что с 9 августа 1945 г. СССР считает себя в состоянии войны с Японией².

План Ставки Верховного главнокомандования в войне с Японией заключался в проведении одной крупной стратегической операции, в которой планировалось тесное взаимодействие трех фронтов и Военно-морского флота. В период подготовки к проведению этой операции начались сильные проливные дожди, что исключало возможность использования авиации и значительно ограничивало действия артиллерии.

Главнокомандующий войсками Дальнего Востока А. М. Василевский принял решение: используя ночное время и начавшийся ливень, внезапной атакой прорвать японские укрепленные районы без авиационной и артиллерийской подготовки. Войскам предстояло прорвать мощную полосу японских долговременных оборонительных сооружений, которые были созданы непосредственно вблизи государственной границы. Только против Советского Приморья эта полоса состояла из семи укрепленных районов. При этом на пограничные войска возлагалась задача по уничтожению японских пограничных полицейских отрядов и постов. В общей сложности пограничным войскам трех округов предстояло уничтожить более 320 японских гарнизонов на границе.

Необходимо отметить, что японские пограничные полицейские кордоны представляли собой передний край полосы долговременной обороны и большая часть из них непосредственно входила в общую систему укрепленных районов.

Еще до объявления войны японское военное командование в Маньчжурии приняло меры по усилению своей группировки войск. В японских пограничных провинциях с июня было введено военное положение. По всей Маньчжурии и Корее была проведена мобилизация в армию японских резервистов, общей численностью до 200 тыс. чел. Многие из них прошли обучение в разведывательно-диверсионных школах.

В ряде населенных пунктов пограничных провинций была произведена скрытая эвакуация семей офицерского состава японской армии и чиновников различных ведомств. Пограничные укрепленные районы и гарнизоны были усилены личным составом и пополнены боеприпасами и продовольствием. В них велось форсированное строительство новых оборонительных сооружений. Усиливались и заново строились оборонительные сооружения, земляные валы и рвы. Шло пополнение личным составом полицейских частей.

Охрана границы осуществлялась как в ночное, так и в дневное время. Во многих японских пограничных полицейских отрядах была организована караульная служба с использованием натренированных собак, чего раньше не наблюдалось. Увеличилась сеть наблюдательных пунктов.

Нельзя не отметить и то, что японцы готовились применять бактериологическое оружие. В апреле 1945 г. Генеральный штаб японской армии дал указание руководителю бактериологической лаборатории Исии Сиро форсировать выработку бактерий. Исии на оперативном совещании руководящего состава отряда № 731 в том же месяце заявил: «Нам придется применить

---

² Правда. 1945. № 189.

последние средства, в том числе и бактериологическое оружие для того, чтобы добиться перелома в пользу Японии»³. Эта лаборатория и ее филиалы находились в Маньчжурии и представляли серьезную угрозу, тем более что факты заражения водоемов в районе Трехречья на границе с СССР имели место еще в 1944 г. В 1945 г. спешно осуществлялись последние приготовления для начала бактериологических атак против Советского Союза.

К этому времени значительно активизировалась деятельность японской агентурной разведки. Усилилась заброска на территорию СССР хорошо подготовленной японской агентуры. Только в сахалинской и цзямусинской японских военных миссиях было подготовлено для заброски на территорию СССР в мае – июле 239 специально обученных агентов. Японская военная разведка настойчиво стремилась получить необходимые сведения о сосредоточении советских войск в приграничной полосе, их группировке, численности и готовности к боевым действиям, о загруженности и напряженности железнодорожных линий, интенсивности и характере перевозок по ним.

Красной армией проводились очень крупные перегруппировки войск, прибывали новые соединения и части. В приграничной полосе сосредоточилось большое количество боеприпасов, горючего, продовольствия и других материальных ценностей. Для обеспечения скрытности подготовки к наступлению все передвижения и подвозка грузов осуществлялись только ночью. В связи с этим на всех дорогах, ведущих к государственной границе, органы НКГБ были вынуждены установить четкую и скрытую службу регулирования и очень строгий прифронтный режим.

В связи с создавшейся оперативной обстановкой на государственной границе с Маньчжурией, с целью эффективной парализации действий японских разведывательных органов и обезвреживания забрасываемой на территорию Советского Союза агентуры противника пограничные войска были вынуждены перейти на усиленный режим охраны границы. В результате проведенных мероприятий японская агентура чаще всего задерживалась непосредственно на линии государственной границы. Только в июне-июле на участке Хабаровского пограничного округа было задержано более 50 нарушителей, основная масса которых являлась агентами японской разведки.

Надежная охрана государственной границы в значительной мере способствовала проведению командованием войск Красной армии мероприятий по скрытому сосредоточению войск для решающего удара с целью разгрома японских войск в Маньчжурии.

Объявление войны для японского правительства было неожиданным, так как его разведывательные органы ориентировали, что советские вооруженные силы смогут выступить против Японии только к концу зимы – началу весны 1946 г. Это был серьезный провал.

После начала войны японские спецслужбы в спешном порядке пытались осуществлять диверсионно-террористические акции на коммуникациях советских войск; осуществлять заброску или оставление в тылу советских войск своей агентуры для сбора разведывательной информации. Во время боевых операций отдельные руководители органов японской разведки предпринимали попытки организовать диверсионно-террористические акты против советских войск. Однако подобная деятельность была малоэффективна, так как в результате стремительного наступления Красной армии японская разведка не смогла управлять этой деятельностью. Уже в первых боях японцы понесли тяжелые потери.

В результате стремительного наступления советских войск японская разведка не смогла реализовать свои планы, так как почти все реорганизованные к этому времени японские военные миссии в Маньчжурии были захвачены оперативными группами органов военной контрразведки «Смерш» НКО и НКВМФ СССР.

---

³ Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 413.

Отражая противоборство спецслужб СССР и Японии, нельзя не упомянуть о предшествующем военным действиям и явно не рядовом событии, имевшем место в июне 1938 г. в Дальневосточном крае, – о побеге начальника Управления НКВД ДВК Г. С. Люшкова в Маньчжурию. Об этом событии много написано. В связи с этим была в настоящем издании сделана попытка отразить не до конца изученные моменты этого события.

Ранее исследователями уже предпринимались попытки осмыслить взаимоотношения Японии и СССР. Для публикаций начала 30-х гг. XX в. характерны утверждения о надвигающейся мировой войне⁴. Предпринимались попытки анализа состояния вооруженных сил Японии. Отражались японо-советские конфликты у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол⁵. В более поздних публикациях предпринимались попытки объяснить причины напряженности в отношениях СССР и Японии⁶, планы нападения на СССР, провокации японских военных⁷.

Необходимо отметить, что в 1920-1930-е гг. Япония была одним из основных потенциальных противников СССР, уделявшая самое пристальное внимание тайным методам борьбы.

Современная историография характеризуется появлением значительного числа работ по истории борьбы отечественных органов государственной безопасности с подрывной деятельностью спецслужб Японии, в которых анализируются деятельность советской разведки⁸ и борьба контрразведки со спецслужбами Японии на Дальнем Востоке⁹. Появляются новые подробности противостояния советских и японских спецслужб¹⁰.

Интересны работы, в которых на основе широкого круга источников дается объективная оценка репрессиям, в том числе и в дальневосточных органах государственной безопасности¹¹.

Большое внимание в научных исследованиях уделялось действиям пограничных войск НКГБ на Дальнем Востоке, особенно в период войны с Японией¹².

⁴ Аварин В. Я. «Независимая» Маньчжурия. М., 1934; Болдырев Г. И. Японские милитаристы провоцируют войну. М., 1938; Иоган Е., Ташин О. Когда Япония будет воевать. М., 1936; и др.

⁵ Болдырев Г. И. Указ. соч.; *Его же*. Как мы били японских самураев. М., 1938; Хамадан А. Япония на путях к «большой войне». Военно-фашистский заговор в Токио. 26–29 февраля 1936. М.-Л., 1936.

⁶ Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962; Степанов А. С. В борьбе за мир в АТР (1917–1933). М., 1996; Кошкин А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010.

⁷ Горбунов Е. А. 20 августа 1939. М., 1986; *Его же*. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002; Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. М., 1989; Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М., 1988. Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. М., 2004. Папасовский В. Е. Уроки Хасана и Халхин-Гола. М., 1989; Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981; Шкадов И. Н. Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988; и др.

⁸ Соколов Б. В. Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная война спецслужб. М., 2000; Георгиев Ю. В. Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. М., 2007; и др.

⁹ Горбунов Е. А. Схватка с Черным Драконом...; Егоров Н. А. Деятельность органов государственной безопасности СССР на Дальнем Востоке по пресечению разведывательных и диверсионно-террористических акций белоэмиграции в 1922–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010; Линдер И. Б. Прыжок самурая. М., 2008; Лота В. И. За гранью возможного: военная разведка России на Дальнем Востоке, 1918–1945 гг. М., 2008; Шинин О. В. Деятельность органов государственной безопасности в межвоенные годы 1922–1941 гг.: на материалах Дальневосточного региона СССР: дис. ... докт. ист. наук. М., 2007; Шульженко А. Б. Противодействие органов ГПУ – НКВД антисоветской деятельности японских спецслужб и белоэмигрантских центров на Дальнем Востоке России в 20-30-е гг. XX в. // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М., 2008. С. 73–84; *Его же*. Борьба органов ОГПУ советского Дальнего Востока с иностранными спецслужбами в 20-х годах XX в. // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 94–99; Туржилин С. В. Деятельность органов государственной безопасности СССР на Дальнем Востоке по обеспечению обороноспособности страны накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2012; и др.

¹⁰ Полуттов А. В. Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1916–1945 гг. (по материалам японских источников) // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего: Материалы науч. – теор. конфер. (Владивосток, 3–4 февраля 2003 г.). 2-е изд., испр. Владивосток, 2003. С. 55–66; Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003; и др.

¹¹ Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2. С. 136–143; № 3. С. 132–144, Маки-Мираж. Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000; Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007; Черноруцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950-е гг. Владивосток, 2011; и др.

¹² Платонов В. В. Боевые действия пограничных войск на Дальнем Востоке в 1945 г. М., 1961; Егоров Е. П. Действия

В последние годы появился целый ряд научных работ о деятельности советских органов государственной безопасности российского историка С. В. Тужилина, основанных на документах государственных и ведомственных архивов¹³.

Японский исследователь, профессор университета Тохоку – Тэраяма Киосукэ в своих работах рассматривает вопросы укрепления Красной армии, Военно-морского флота и экономики Дальнего Востока СССР, делает объективные выводы о деятельности партийных и советских органов по укреплению ДВК¹⁴.

Цель настоящей работы – на основе новых источников отразить историю деятельности органов государственной безопасности в борьбе с подрывной деятельностью спецслужб Японии. Ранее часть материалов была опубликована в монографии: «Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии 1918–1945 гг.»¹⁵.

пограничных войск дальневосточных округов накануне и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1965; Буракишаев В. Я. Действия войск пограничного округа по охране государственной границы на Дальневосточном театре военных действий в угрожаемый период: дис. ... канд. воен. наук. М., 1978; Уминов Ю. И. Управление соединениями и частями пограничных войск в первой армейской операции на Дальневосточном театре военных действий: дис. ... канд. воен. наук. М., 1983; Акулиничев А. А. Действия войск пограничного округа в системе оперативного прикрытия армии в условиях Дальневосточного театра военных действий: дис. ... канд. воен. наук. М., 1988; Краснощеков И. А. Участие пограничных войск Приморского округа в разгроме сил милитаристской Японии (август–сентябрь 1945): дис. ... канд. ист. наук. М., 2016 и др.

¹³ Тужилин С. В. «Провокаторы»: тайная война на Дальнем Востоке (конец 1930-х – начало 40-х гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 134–138; *Его же*. Из истории советской контрразведки: «дальневосточный „Трест“» (1939–1945 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 1. С. 67–70; *Его же*. Сложные предвоенные годы // Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / Авт. – сост. А. С. Колесников. Хабаровск, 2011. С. 48–51; *Его же*. Борьба тяжеловесов: хабаровские чекисты против японских спецслужб // Тихоокеанская звезда. 2012. 18 декабря, 19 декабря, 20 декабря; *Его же*. Японские военные миссии на советском Дальнем Востоке // Великая Отечественная война. 1945 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2015. С. 183–226; *Его же*. Заслон от интервентов: органы ВЧК – ГПУ на Дальнем Востоке в 1917–1922 гг. // ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания. Сб. ст. и док. / Отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2017. С. 283–316; *Его же*. Националистический путч в Токио 26–29 февраля 1936 г. Предыстория, ход и последствия события в архивных документальных материалах // Исторические чтения на Лубянке. 100 лет ВЧК-ФСБ. Сб. ст. и материалов XXI науч. – теор. конф. 28 ноября 2017 г. М., 2018. С. 240–255; *Его же*. «Куда в действительности пошло это количество взрывчатых веществ, установить невозможно». Деятельность японских концессий на Северном Сахалине в сообщениях НКВД СССР. 1936–1939 гг. // Исторический архив. 2018. № 6. С. 113–119; *Его же*. «Было бы наивно верить в искренность „дружбы“ японских империалистов». Военно-политические и социально-экономические факторы обеспечения государственной безопасности на советском Дальнем Востоке (1938–1941 гг.) // Военно-исторический журнал. 2019. № 6. С. 4–13 и др.

¹⁴ Тэраяма К. Маньчжурский инцидент и СССР. *Acta Slavica Japonica* // 1996. Т. XIV. Р. 179–198; *Его же*. *Soviet policy toward Mongolia in the 1930s – From the Manchurian Incident to the Nomonhan*. Sendai City, 2008; *Его же*. *Советская мобилизационная политика на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг.* // *Урал и Сибирь в сталинской политике*. Сб. ст. Новосибирск, 2002. С. 98–125 и др.

¹⁵ Мозохин О. Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии 1918–1945 гг. М., 2012.

Глава I

Контроль Сталина за политико-экономической обстановкой на Дальнем Востоке

С окончанием Гражданской войны и иностранной военной интервенции на европейской территории России главное внимание большевистского правительства переключилось на Дальний Восток. Советская власть на этой территории отсутствовала, там существовала буферная буржуазно-демократическая Дальневосточная республика (ДВР).

В это время Дальний Восток стал ареной борьбы за власть, сферы влияния, природные ресурсы и рынки сбыта многих стран. В первую очередь это касается Японии и США. Увеличив свою группировку в Сибири, Япония стала игнорировать претензии США на руководящую политическую роль в этом регионе. Ею предпринимались попытки по укреплению своего влияния на континенте.

Советским правительством, в свою очередь, решалась задача покончить с японской военной оккупацией Приморья и Северного Сахалина, чтобы открыть путь для политического воссоединения страны на всем ее пространстве.

17 июля 1920 г. было оформлено соглашение о перемирии между Дальневосточной республикой и Японией в виде обмена нотами. Стороны признавали целесообразность образования ДВР в качестве буферного государства с единым правительством без вмешательства в его дела вооруженных сил других государств. ДВР брала обязательство поддерживать дружественное сотрудничество с Японией, «не вводить» коммунистического строя, не позволять пребывания войск Советской России на своей территории и не пропускать их через нее.

1 января 1921 г. Пленум ЦК РКП(б), учитывая сложную политическую обстановку, признал «советизацию Дальневосточной республики недопустимой, равно как и недопустимым принятие каких бы то ни было шагов, ведущих к нарушению договора с Японией. Была создана специальная комиссия в составе: Преображенского¹⁶ (или Крестинского¹⁷), Никифорова¹⁸ и Чичерина¹⁹ для детальной выработки основных положений экономической и внешней политики Дальневосточной республики»²⁰.

Проходящие переговоры с Японией по поводу установления дипломатических отношений шли, но очень трудно. Так, 18 апреля 1922 г. дальневосточное телеграфное агентство сообщило в НКВД РСФСР о прекращении 16 апреля переговоров между ДВР и Японией в Дайрене. Переговоры были прерваны по инициативе японского правительства. Сообщалось, что 30 марта между русской и японской делегациями было достигнуто полное соглашение по всем пунктам основного торгового договора. Когда же на очередь встал вопрос о военном соглашении, японская делегация отказалась определить срок эвакуации своих войск и предложила формулу, которая давала бы возможность японцам продолжать интервенцию до бесконечности²¹.

1 июня 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о необходимости возобновления переговоров с Японией, признав возобновление их целесообразным и считая, что пере-

¹⁶ Преображенский Евгений Александрович (1886–1937) – секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК РКП(б) в 1920–1921 гг.

¹⁷ Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) – в 1920–1921 гг. член Политбюро и секретарь ЦК РКП(б), в 1921–1930 гг. советский представитель, полпред в Германии.

¹⁸ Никифоров Петр Михайлович (1882–1974) – член правительства ДВР в 1920–1921 гг., председатель Совета министров ДВР в 1921–1922 гг., член Дальбюро ЦК РКП(б) в 1920–1922 гг.

¹⁹ Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – нарком иностранных дел РСФСР (СССР) в 1918–1930 гг.

²⁰ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 1.

²¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 16.

говоры должны вестись между Японией и объединенной делегацией РСФСР и ДВР. Предварительным условием возобновления переговоров должен был быть вопрос о выводе японских войск из Сибири и принципиальном согласии Японии на определение точного срока их вывода. Кандидатом на ведение переговоров предлагалась кандидатура А. А. Иоффе. При этом в Дальбюро сообщалось, чтобы они никакие дипломатические шаги в отношении Японии не предпринимали без предварительного согласия ЦК²².

В это время создалась такая ситуация, когда Японии не хватало сил для оккупации территории России, как своими военными, так и с помощью белогвардейцев, а у России не было сил, чтобы вести войну с Японией и одновременно с остатками белогвардейской армии на Дальнем Востоке.

Немного позже, 9 ноября 1922 г., Политбюро ЦК РКП(б), рассматривая вопросы в отношении Сахалина, постановляет поручить заместителю Главного концессионного комитета А. А. Иоффе в печати выразить протест против занятия японцами части острова и упомянуть, что если они эвакуируют войска, то будут иметь права на концессии на Северном Сахалине²³. Таким образом, торг продолжился.

Необходимо отметить разногласия по Сахалину и среди членов Политбюро. Так, в начале 1923 г. Л. Д. Троцкий выступил с предложением продать Японии Северный Сахалин, мотивируя это трудностями, возникшими с эвакуацией оттуда японских войск, и необходимостью стабилизации положения на Дальнем Востоке в свете назревавших серьезных политических событий в Европе. Однако, в конце концов, благоразумие восторжествовало, и вопрос о продаже Северного Сахалина больше не поднимался.

2 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) решает в процессе переговоров предложить японцам 50 % существующих нефтяных источников и предоставить им в будущем 50 % тех, которые они откроют. Япония же должна была проводить 10 % отчислений с валовой добычи. Предлагалось также предоставить японцам для разведок площадь в 1000 кв. верст; в качестве же крайней уступки дойти до 4000 кв. верст. Срок для производства этих работ планировался от 5 до 10 лет и др.²⁴

11 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило НКВД пообещать Японии предпочтение при сдаче в концессию второй половины нефтяных ресурсов при договоренности с Японией о немедленном принятии соглашения в целом²⁵.

Подготовка документа продвигалась медленно, японцы шли на различные уловки. Они, как могли, тянули с эвакуацией войск, стараясь «зацепиться» за материк. 9 января 1925 г. Г. В. Чичерин сообщил председателю Реввоенсовета М. В. Фрунзе о том, что японцы затягивают вывод своих войск с Северного Сахалина по климатическим условиям. Японское правительство окончательно планировало вывести свои войска к 1 или к 15 мая 1925 г.

При этом в протоколе договора должно было быть прописано об обязательстве России заключить концессионные контракты в течение 6 месяцев со дня вступления договора в силу и по истечении 3 месяцев с момента полного удаления войск и полного установления власти СССР над всеми частями территории Северного Сахалина²⁶.

15 января 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло предложение НКВД о продлении срока между эвакуацией японских войск из Сахалина и подписанием концессионного контракта до пяти месяцев²⁷.

---

²² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 404. Л. 1–2.

²³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 191.

²⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 153.

²⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 169.

²⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 17–18.

²⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 20.

Ценой политических уступок России служили в первую очередь экономические интересы Японии. Учитывая то, что Советская Россия закрепилась на территории Сахалина, Япония стала прорабатывать варианты получения концессий. В это время она испытывала большие затруднения во ввозе заграничного коксующегося угля из Англии и Америки, что усиливало ее стремление на получение концессий на Сахалине. В результате ей были предоставлены нефтяные и угольные концессии, а также были предоставлены послабления и по рыболовству.

В результате переговоров 20 января 1925 г. в Пекине состоялось подписание советско-японского соглашения. Таким образом, в связи с предпринятыми дипломатическими усилиями японская военная интервенция на советском Дальнем Востоке была прекращена в 1925 г. На первом этапе была осуществлена эвакуация японских войск из Приамурья и Приморья в 1921–1922 гг., затем с Северного Сахалина в 1921–1925 гг.

И. В. Сталин постоянно контролировал развитие отношений с Японией. Так, 10 июня 1925 г. он направил шифртелеграмму полпреду в Японии Копу, в которой писал, что «на днях НКВД демонстрировал в ЦК Ваши предложения о нашем соглашении с Японией в Маньчжурии. Сообщаю Вам для сведения, что это предложение мы расценили, как попытку восстановить сферы влияния в Маньчжурии за счет Китая, ввиду чего и отвергли его»²⁸. Такие инициативы вождем не поощрялись.

13 декабря 1928 г. Политбюро поручило НКВД доложить на заседании вопрос о политике в отношении Японии²⁹. 20 декабря Политбюро его заслушало и поручило комиссии в составе «т. т. Микояна, Ксандрова, Пятакова, Карахана, Кубяка, Уншлихта и Лобова рассмотреть всю совокупность вопросов, связанных с нашими взаимоотношениями с Японией в настоящий момент, выяснить размер и условия японских концессий, а также как выполняются японцами принятые ими на себя обязательства, и выработать конкретные предложения о нашей политике по отношению к Японии в настоящее время». В частности, комиссии предлагалось обсудить вопрос о возможности привлечения американцев, в порядке концессий или смешанных обществ для работы на Дальнем Востоке³⁰.

В подготовленном докладе о Японии Караханом было отражено внешнее и внутреннее положение Японии. Констатировалось, что внешняя политика Японии подчинена задачам китайской политики, в значительной мере определившей на данный период отношения, складывающиеся между Японией, Англией, США и СССР.

4 апреля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о строгом надзоре за исполнением японцами концессионных договоров, требуя выполнения всех обязательств по платежам, добиваясь по возможности перевода всех платежей со стороны японских концессионеров советскому правительству на иностранную валюту там, где платежи были обусловлены в червонцах.

В отношении дальнейшей концессионной политики с японцами было предложено прекратить предоставление новых концессий на Дальнем Востоке, не прекращая, однако, привлечение японского капитала в форме финансирования государственных советских промышленных организаций по отдельным строго ограниченным операциям.

Видимо, чтобы избежать колонизации Дальнего Востока японцами, высшее руководство СССР считало целесообразным привлечение американского капитала в виде концессий и в порядке финансирования советских предприятий. Однако концессионные объекты Дальнего Востока Главконцесскомом СССР (ГКК) так и не были разработаны, в силу чего не было и конкретных предложений, по которым можно было бы говорить с американцами. Вместе с тем

---

²⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 404. Л. 6

²⁹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 61. Д. 311. Л. 176.

³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 311. Л. 178.

необходимо отметить, что на территории ДВК организовывались концессии других иностранных государств, но в экономическом плане они были малоэффективны.

14 мая 1930 г. ГКК сообщил в СНК СССР о целесообразности прекращения действия концессионного договора с японской угольной компанией «Цукахара Кумиай» в связи с невыполнением ею договорных условий. Указывалось, что 23 февраля 1926 г. правительством был заключен концессионный договор с фирмой «Цукахара Кумиай» на разведку и добычу каменного угля в районе р. Костиной на западном побережье о. Северный Сахалин. Согласно концессионному договору, советское правительство предоставляло концессионеру на срок до 1 ноября 1927 г. исключительное право разведки каменного угля в вышеуказанном районе. Концессионер же, в свою очередь, обязан был приступить к разведочным работам с начала летнего сезона 1926 г. Несмотря на то что срок разведочного периода концессионеру впоследствии был продлен до 31 декабря 1929 г., он так и не приступил к разведкам в предоставленном ему по концессионному договору районе. Пленум ГКК 7 мая 1930 г. постановил: «Ввиду того, что до настоящего времени концессионер не приступил к выполнению концессионного договора, признать договор прекратившим свое действие», о чем Главконцеском вышел с представлением в СНК СССР³¹.

5 октября 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о японском «Чосен-банке», который был замешан в незаконных валютных операциях на территории СССР. Было решено назначить судебный процесс против арестованных японских валютчиков. Разрешалось привлечь к ответственности банковских сотрудников. Закрытие «Чосенбанка» предлагалось провести в административном порядке³². 16 января 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет предъявить «Чосенбанку» через Наркомфин требование об окончании его ликвидации не позже 15 марта. При этом было высказано предупреждение, что в случае просрочки этого срока ликвидация будет произведена принудительно органами Наркомфина³³.

15 сентября 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешает НКВД заключить соглашение с Японией о рыбной ловле³⁴. Постановлением Президиума ЦИК СССР 7 мая 1928 г. была ратифицирована советско-японская рыболовная конвенция между Союзом ССР и Японией, подписанная 23 января 1928 г. При этом НКВД поручалось совместно с НКЗемом РСФСР установить перечень тех постановлений конвенции, которые не могли быть введены в жизнь в текущем рыболовном сезоне, и согласовать указанный перечень временных изъятий с японским правительством³⁵.

18 сентября 1931 г. Квантунская группировка войск Японии (КГВ) начала вооруженную оккупацию северо-восточной провинции Китая – Маньчжурии. Советский Союз вынужден был начать подготовку к войне с Японией. Предпринимались меры по укреплению границы. 6 октября 1931 г. было принято специальное решение ЦК «О партийном руководстве в отрядах погранохраны и ОГПУ», где были определены меры по укреплению партийного влияния на ОГПУ. 26 ноября был сделан доклад о погранохране Дальнего Востока³⁶.

Полученные сведения подтверждали тревожные ожидания приближавшейся войны. Так, 19 декабря 1931 г. заместитель председателя ОГПУ В. А. Балицкий направил И. В. Сталину копии документов, отражающих японскую политику в отношении СССР. Так, согласно записке, составленной японским военным атташе в Москве подполковником Касахарой по итогам беседы 1-го июля 1931 г. с генерал-майором Харадой, командированным Генштабом в

³¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 231.

³² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1009. Л. 212.

³³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1010. Л. 6.

³⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 216.

³⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1009. Л. 62.

³⁶ Тэраяма К. Маньчжурский инцидент и СССР... С. 189.

Европу с особыми заданиями, следовало, что посол Японии в СССР Хирота считал необходимым, «чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советскими Дальним Востоком и Восточной Сибирью».

В конспекте своего доклада, составленного Касахарой для Харады, было отражено общее положение в Советском Союзе. По его мнению, пятилетний план строительства социализма ляжет в основу грядущего развития Советского государства. Он отразил следующие особенности Советского государства: система политического правления в стране является самой настоящей абсолютистской диктатурой, и поэтому правительство может бросать все финансовые и людские ресурсы на выполнение центральных моментов своей программы. Производительность в Советском Союзе низка, *но вложение капиталов проводится исключительно с точки зрения развития государства* (курсив. – О. М.). Возможность консолидации антиправительственных выступлений исключается. В дальнейшем в области внутренней политики станут вопросы о сепаратистском движении (Украина, Кавказ, Туркестан) и о разногласиях внутри партии. Эти вопросы будут гангреной советской государственности и особенно пагубную роль могут сыграть во время войны. Вооруженные силы организуются исходя из принципа самозащиты. Советский Союз питает страх перед иностранной интервенцией.

Основной целью пятилетнего плана является усиление вооруженной мощи. Вооружение Красной армии развивается в стремительных темпах. Центральное внимание сосредоточено на моторизации армии. Имеется: 500 танков. Пять мотомеханизированных соединений: 4 отд. бригады и 1 пехотная дивизия. Химическое вооружение Красной армии, по его словам, достойно изумления. Воздушные силы: от 1700 до 2000 самолетов. Ориентировочная цель – организовать 200 авиационных рот.

Военный бюджет СССР увеличился вдвое по сравнению с 1929 годом.

По мнению Касахары, не «подлежит никакому сомнению, что Советский Союз в дальнейшем по мере развития экономической мощи, роста вооруженных сил начнет переходить от принципа пассивной обороны к агрессивной политике. Рассматривая общее состояние страны, можно заключить, что в настоящее время СССР не в силах вести войну. Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы Япония приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют возможность сейчас выступить согласованно также с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом».

Подробно Касахара отразил также вопросы, требующие внимания со стороны японской армии. На данном документе Сталин наложил резолюцию: «т. Гамарнику. Важно»³⁷.

С захватом Маньчжурии Япония реализовала планы по созданию военного плацдарма для осуществления своих агрессивных намерений в отношении Советского Союза. Японский Генеральный штаб и штаб КГВ с конца 1931 г. приступили к широким мероприятиям по строительству в Маньчжурии военных сооружений, созданию складов продовольствия, амуниции и боеприпасов. Одновременно к границам Советского Союза и Монгольской Народной Республики прокладывались стратегические железные и шоссейные дороги.

На территорию Маньчжурии с островов собственно Японии перебрасывались дополнительные воинские части, которые в основном сосредотачивались на границе с СССР. Для обеспечения этих войск вооружением и боеприпасами на захваченной территории началось активное строительство новых военных предприятий. В Мукдене³⁸ были построены танковый завод,

³⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 1–9.

³⁸ Мукден (Шэньян) – город на северо-востоке Китая, административный центр провинции Ляонин. 18 сентября 1931 г. оккупирован японскими войсками, освобожден Красной армией 20 августа 1945 г.

завод по производству боеприпасов и фабрика военной амуниции. В Корее в городах Дзиосен и Хойдзио – оружейные заводы.

Сталин считал проблемы, касающиеся Японии и региона Дальнего Востока, весьма важными и лично контролировал всю информацию. Об этом свидетельствует заметка редактора газеты «Известия» И. М. Тройского В. В. Куйбышеву, которому поручили готовить план второй пятилетки: «Международная часть хороша. Замечаний у меня нет никаких. Думаю, что ее следовало бы показать т. Сталину, т. к. все, что касается Японии и Дальне-Восточных дел, проходит через него»³⁹.

28 февраля 1932 г. заместитель председателя ОГПУ В. А. Балицкий направил И. В. Сталину «соображения» военного атташе Японии Касахары, где тот писал, что СССР, опираясь на свою колоссальную вооруженную силу, начнет разворачивать активную политику по политической, экономической и идеологической линиям. «Разумеется, Советский Союз тогда поставит проблему независимости Кореи и приступит к полному изгнанию всех японских концессионеров по рыболовной, нефтяной, лесной и угольной части с советской территории. Сомневаться в этом не приходится, тем более что уже сейчас мы видим начало этой политики.

Западные государства знают, что в отдельности выступить против СССР рискованно. Если начнется война между СССР и Японией, западные соседи СССР: Польша, Румыния и лимитрофы вступят в войну не сразу, они присоединятся к Японии, улучив благоприятный момент. Франция не пожалеет усилий для активной поддержки этих государств. Остальные государства займут позицию, благожелательную в отношении Японии».

Касахара считал, что если японская империя намерена существовать в качестве Великой Японии, ей нельзя будет избежать войны с СССР, и полагал, что имперское правительство должно проводить свою политику с расчетом как можно быстрее начать войну с СССР. Исходя из условий империи войну необходимо было провести в стремительном темпе, добиваясь быстрой развязки, осуществив продвижение до оз. Байкал. Что же касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно было быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому времени, и особенно в зависимости от состояния государств, которые выступят с Запада.

Военный атташе предлагал вести стратегическую пропаганду. «В связи с этими задачами наши разведывательные органы нужно дислоцировать не только с целью собирания сведений об СССР, но и под углом зрения проведения политических комбинаций против СССР. С этой точки зрения остро ощущается необходимость учреждения наших военных органов в Румынии. В смысле собирания информации об СССР Румыния не представляет особой ценности для нас, но с точки зрения проведения комбинаций она имеет громадное значение, так как в случае японо-советской войны Румыния вместе с Польшей будет сковывать акции Красной армии против нас. Исходя из наших военно-оперативных планов против СССР, нам нужно хорошо знать ситуацию в этой стране и иметь правильное представление о румынской армии».

Сталин направил документ членам Политбюро «Из рук в руки. (Каждому отдельно). С обязательством вернуть в ПБ»⁴⁰.

В это время японское военное руководство в Маньчжурии встало на путь постепенного наращивания провокаций. В 1936–1938 гг. на маньчжуро-советской границе был зарегистрирован 231 инцидент, в том числе 35 крупных боевых столкновений.

30 января 1936 г. на участке Гродековского пограничного отряда две роты японо-маньчжур углубились на полтора километра в глубь советской территории в районе пади Мещеряковской, однако были выбиты обратно. В ходе боя, по советским данным, противник потерял 31 чел. убитыми, с нашей стороны погибли четверо пограничников.

---

³⁹ Тэраяма К. Маньчжурский инцидент и СССР... С. 125.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 15–36.

24 ноября 1936 г. на том же участке границу нарушил японский конно-пеший отряд численностью около 60 чел. После схватки с пограничниками японцы были отброшены, потеряв 18 чел. убитыми и 7 ранеными⁴¹.

Генеральным штабом Японии, с учетом данных разведки, был уточнен подготовленный ранее план «Оцу». На 1938–1939 гг. намечалась концентрация основных сил в Маньчжурии. На первом этапе планировавшихся боевых действий против СССР предусматривалось захватить города: Никольск-Уссурийский (с 1935 г. – г. Уссурийск), Владивосток, Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск, Куйбышевку-Восточную. При этом одновременно было запланировано вторжение в Монгольскую Народную Республику.

С учетом складывающейся обстановки Сталиным принимается решение об усилении обороноспособности Дальневосточного края. С этого времени начинается чехарда назначений и переназначений в партийных и силовых блоках ДВК.

В январе 1937 г. первый секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л. И. Лаврентьев из-за излишнего либерализма был снят и заменен более «жестким» партийным руководителем И. М. Варейкисом, который по приезду потребовал от начальника УНКВД ДВК Т.Д. Дерibasа немедленного разоблачения краевого правотроцкистского подполья. Командующим Особой краснознаменной дальневосточной армией в то время был широко известный Маршал Советского Союза В. К. Блюхер.

8 мая 1937 г. Политбюро приняло решение для усиления чекистской работы на Дальнем Востоке перевести В. А. Балицкого с должности наркома внутренних дел УССР на должность начальника УНКВД ДВК. При этом ему подчинялась посланная ранее туда решением ЦК ВКП(б) группа чекистов во главе с комиссаром государственной безопасности 2 ранга Л. Г. Мироновым.

Т.Д. Дерibas, возглавлявший до этого УНКВД ДВК, отзывался в распоряжение НКВД СССР. Вопрос о его дальнейшем использовании должен был решиться по его приезду в Москву⁴².

Однако 19 июня снимают Балицкого, 7 июля его арестовывают, а затем приговаривают к расстрелу. Немного позже, 31 июля 1937 г., начальником УНКВД ДВК был назначен Г. С. Люшков, хорошо зарекомендовавший себя на прошлой работе. Дела по УНКВД ДВК он принимает у Дерibasа. Его назначение на Дальний Восток было неслучайным. Сталин не доверял Блюхеру. Ему нужен был человек, который бы «присматривал» за маршалом.

По-видимому, была еще одна причина этого перевода. Работая в Азово-Черноморском крае, Люшков собирал информацию на И. М. Варейкиса (см. гл. «Побег начальника УНКВД ДВК Люшкова в Маньчжурию»). При переводе его в ДВК он не мог не продолжать этого делать. Сталин это также понимал. Он нуждался в объективной информации. Таким образом, Люшков вынужден был «присматривать» не только за Блюхером, но и за первым секретарем Далькрайкома ВКП(б).

В это время начинаются операции по массовым репрессиям. Согласно оперативному приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., было принято решение о репрессировании бывших кулаков, уголовников и антисоветского элемента. Операцию решили начать по всем областям Союза 5 августа 1937 г., в ДВК – с 15 августа 1937 г. Вся операцию предполагалось закончить в четырехмесячный срок, а в ДВК – не позднее 1 апреля 1938 г.

При организации и проведении операций весь репрессируемый антисоветский элемент разбили на две категории. К первой категории относились наиболее враждебные элементы. Они подлежали немедленному аресту и после рассмотрения их дел на заседаниях «троек» – расстрелу. Ко второй категории относились менее активные враждебные элементы. Они под-

---

⁴¹ Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001. С. 432.

⁴² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 33. Л. 72.

лежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них – заключению на те же сроки в тюрьмы.

Прежде всего репрессиям подвергался контингент, отнесенный к первой категории. Следствие требовалось проводить ускоренно и в упрощенном порядке с обязательным выявлением преступных связей арестованных. По его окончании дело направлялось на рассмотрение «тройки». Дальневосточному краю выделялся лимит по первой категории 2000 чел., по второй – 4000 чел. Утвержденные цифры являлись ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имели права самостоятельно их превышать. В случаях, когда обстановка требовала увеличения утвержденных цифр, они обязаны были представлять соответствующие мотивировочные ходатайства. Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, во вторую и наоборот разрешались.

«Тройки» вели протоколы своих заседаний, в которых записывали вынесенные ими приговоры в отношении каждого осужденного. Протоколы заседаний «троек» направлялись начальникам оперативной группы для приведения приговоров в исполнение. Общее руководство по проведению операций возлагалось на первого заместителя наркома НКВД СССР комкора М. П. Фриновского. В Дальневосточном крае председателем «тройки» был назначен Люшков, а членами Птуха и Федин⁴³.

20 августа 1937 г. Сталин, видимо, устав ждать от секретаря Далькрайкома Варейкиса сообщений об обстановке в крае, сам направил ему в Хабаровск шифртелеграмму. Он недомевал: «по сведениям ЦК в вашем крае идут аресты по линии парторганизаций. Нельзя ли узнать, кто именно арестован, кем думаете заменить арестованных и каково вообще ваше отношение к арестам. Не кажется ли вам странным ваше молчание»⁴⁴.

На следующий день, 21 августа Варейкис поспешил дать объяснение. По его мнению, все, что происходило до последнего Пленума ЦК по линии арестов, чистки края и парторганизации от врагов, он докладывал ЦК на Пленуме и во время Пленума. При этом признал, что за время после июньского Пленума не информировал ЦК, и обязался впредь все регулярно сообщать. Он писал, что в связи с арестом Дерибаса, Западного и начальника УНКВД Приморья Визеля, Амурской области Давыдова, начальника Особого отдела ОКДВА Барминского выяснилось, что органы НКВД покрывали участников контрреволюционного японо-троцкистского фашистского заговора, часть которых еще якобы осталась в составе руководящих работников⁴⁵.

В своем следующем письме Варейкис подробно информировал Сталина о положении в Дальневосточном крае. По его словам, положение было плохим с партийным и советским руководством, особенно по войсковому строительству. Сослался он и на то, что бывший секретарь Лаврентьев все запустил. «Враги тормозили укрепление ДВК. После февральского Пленума был вскрыт краевой троцкистско-правый японский шпионский центр, в который входили: Лаврентьев, Крутов, Дерибас, Лейберг (член бюро крайкома, бывший начальник Дальневосточной ж. д.), Сангурский (заместитель командующего ОКДВА), Аронштам (нач. ПУаРМа ОКДВА), Гербек (шпион, агент двух контрразведок – немецкой и японской) в ДВК работал четыре года уполномоченным Наркомлеса».

Варейкис признался, что выдвигать новых людей очень трудно, т. к. партийные руководители и он сам еще плохо знают людей. Осторожность эта оправдывается тем, что в составе секретарей райкомов, председателей райисполкомов и других городских и районных работников немало есть еще прямых ставленников Лаврентьева и Крутова.

---

⁴³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 55, 59–78.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 6.

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 7–8.

Неблагополучно, по его мнению, обстояло дело и в комсомоле. Секретарь крайкома комсомола Листовский работал в ДВК пять лет, характеризовался разложившимся человеком, троцкистом, японским шпионом. В 1926 г. его отозвал ЦК ВЛКСМ, прислали Чернявского с Северного Кавказа, оказалось, что он проходит в группе правых, в компании с Пивоваровым на Северном Кавказе. Его сняли. Распустили бюро крайкома ВЛКСМ. Политическое, бытовое, моральное разложение в среде руководящего состава работников комсомола поощрял Лаврентьев, он спаивал секретарей крайкома комсомола, таскал их по банкетам, которые здесь чудовищно процветали. В настоящее время секретарем крайкома ВЛКСМ избран Аман, присланный ЦК ВЛКСМ. Дела в комсомоле пошли значительно лучше.

Была вскрыта троцкистско-правая вредительская организация на железных дорогах ДВК.

Вредительство в крае, по мнению Варейкиса, было направлено главным образом на срыв войскового строительства. Ему «пришлось» сменить почти все кадры военных строителей. Из плана строительства в 370 млн руб. на 1 сентября выполнено только на 97 млн руб. В течение сентября – ноября Варейкис надеялся подтянуть особенно строительство аэродромов, ангаров, складское строительство. Однако весь план войскового строительства и в этом году выполнен не будет. Это очевидно, сетовал первый секретарь Далькрайкома ВКП(б).

В связи с событиями в Китае больше внимания уделялось помощи армии и флоту. Работе по проверке мобилизационных планов и подготовке края к обороне⁴⁶.

19 сентября 1937 г. Люшков, в свою очередь, сообщил в центр свое мнение о партийном руководстве края: «Вообще не чувствуется, чтобы крайком ВКП(б) активно включался сам и мобилизовал парторганизации на активное разоблачение врагов или подхватывал проводимые УНКВД аресты для выявления всех связей. Во всем этом имеет значение стиль работы самого Варейкиса, мало соответствующего обстановке ДВК, – слишком много заботы о себе и своем отдыхе...»⁴⁷

Варейкис, видимо, чувствуя недоверие к себе, поставил перед ЦК и Сталиным вопрос о порядке согласования арестов партийных работников, считая неправильным, когда их арестовывали без согласования даже с первым секретарем крайкома. В доказательство привел один пример: «ночью 24 сентября тов. Люшков (начальник УНКВД) передал мне по телефону, что он должен арестовать бывшего зав. ОРПО крайкома Федина, уехавшего на работу в Уссурийский обком. Я спросил Люшкова: „А почему его надо арестовать?“ Ответ: „Получил приказ тов. Ежова“. Я ответил: „Тогда арестуйте его немедленно“.

25 сентября по установившемуся в крайкоме порядку созвал руководящий состав бюро для обсуждения поступающих за день директив ЦК, запросов с мест и тому подобных возникающих вопросов, требующих немедленного решения или принятия срочных мер. Участвуют обычно: первый и второй секретарь, председатель крайисполкома, Блюхер, Хаханьян, Люшков. На этом заседании из состава перечисленных лиц второго секретаря в данном случае не было (он командирован в Амурскую область). Я сообщил, что ночью мы арестовали Федина, и предложил исключить его из состава крайкома и из партии как врага, но предложил, чтобы Люшков информировал нас, в чем дело. Но он от информации по существу отказался, заявив: „Ничего не могу сказать, арестовать получил приказ“. Доверяя целиком приказам, поступающим от тов. Ежова, мы, разумеется, без колебаний исключили из партии, одобрили санкцию на арест члена бюро, данную первым секретарем ночью по телефону. Само собою, разумеется, и впредь будем без всяких колебаний поступать так.

Однако мне кажется неправильным, когда даже первый секретарь поставлен перед фактом приказа и не имеет возможности вникать в дело по существу. Я допускаю, может быть, исключение, но к чему сводится согласование с секретарем, без знакомства, как в данном слу-

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 9-20.

⁴⁷ Наумов Л. Сталин и НКВД. М., 2007. С. 184.

чае было, даже с мотивами ареста – к простой формальности. Может быть, это произошло потому, что я недавно выдвигал этого Федина. Тогда тем более недопустимо, я стараюсь придерживаться ленинско-сталинского правила, коль узнаю, что человек двурушник, изменил партии – ответ один – немедленный разрыв и беспощадная борьба с ним – вплоть до расстрела, как бы к такому человеку ранее ни относился. Только так должен поступать каждый большевик, тем более руководитель.

Ясно, что в данном случае я почувствовал некое недоверие, а руководить можно только при полном доверии к тебе, поэтому счел необходимым Вам об этом сообщить»⁴⁸. 28 сентября 1937 г. Сталин ответил: «Первое. На днях направим в Далькрай требуемых вами работников на секретарские должности. Второе. Приказы Ежова об арестах в Далькрае проходят обычно с санкции ЦК ВКП»⁴⁹.

Вслед за этим 30 сентября 1937 г. секретарь Далькрайкома Г. М. Стацевич стал информировать Сталина о положении в ДВК. По его словам, за последние полтора месяца секретари обкомов партии Амурской, Уссурийской, Хабаровской, Нижнеамурской областей были арестованы. Ранее во время областных конференций всем им было выражено политическое недоверие за явную связь с врагами, однако под нажимом крайкома ВКП(б) они остались на прежних должностях. Секретарь Сталинского райкома ВКП(б), проваленный на конференции за связь с врагами, был взят Варейкисом к себе помощником, однако позже был арестован. Второй его помощник по военным вопросам Соколов был снят как второй секретарь горкома по тем же причинам и вызывал большое подозрение по своим связям с врагами. В аппарате крайкома существует якобы большая засоренность.

Он далее писал, что Варейкис запретил созывать пленумы тех обкомов и райкомов, где были арестованы секретари, очевидно боясь, что на них будет развернута критика и мобилизация партийных масс на дальнейшее разоблачение врагов. Только этим можно объяснить, что в районах фактически не началась разоблачительная работа по выяснению врагов. Свою записку Стацевич предусмотрительно выслал фельдсвязью.

В другой записке от 2 октября 1937 г. Г. М. Стацевич подробно информировал Сталина о том, что Варейкис не выполнил указания ЦК, чтобы вся работа Далькрайкома ВКП(б) должна была быть пронизана военными вопросами. Сообщалось также, что продуманного плана мероприятий по гражданским учреждениям и перехода их в случае войны к обслуживанию и помощи Красной армии у Варейкиса нет.

Он считал, что «по развертыванию сети госпиталей нужен подробный план с указанием зданий, отводящихся для этих целей, чтобы можно было в 5–6 дней развернуть госпиталь. Такие здания намечены, но их состояние таково, что потребуются месяцы на их оборудование. Куда переселять организации, занимающие сейчас эти помещения, неизвестно.

Особенно остро стоит вопрос о дорогах, имеющих военное значение. Летом во время так называемой „Константиновской заварушки“ с японцами, когда потребовалось подтянуть артиллерию, то из-за отсутствия более или менее сносных дорог артиллерия прибыла к месту назначения с опозданием на несколько часов. Бюро Далькрайкома ни разу не слушало вопроса о местных дорогах, нет конкретного плана ремонта с перечислением участков, кто отвечает за ремонт».

Разоблачение Крутова, Лаврентьева и других требовало от Варейкиса немедленно проверить кадры, ликвидировать последствия вредительства. Однако Варейкис не выполнял решения февральского Пленума ЦК партии.

---

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 23–24.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 25.

По его мнению, директива ЦК о том, чтобы в каждой области и крае провести показательные процессы над вредителями сельского хозяйства, до сих пор не выполнена. В связи с этим, по его мнению, совершенно непонятно поведение Варейкиса.

Краевая газета, по мнению Стацевича, не разоблачала врагов. За полтора месяца ни в одном номере газеты не было ни одной статьи, разоблачающей троцкистско-бухаринских шпионов. Все поступающие материалы и письма с разоблачениями врагов не получали огласки. Факты пересаживания с одного места на другое руководителей, обанкротившихся своими связями с врагами, не только не разоблачались на страницах газеты, но некоторые из них получали положительную оценку на страницах газеты за хорошую работу.

Редактор газеты Швер привезен Варейкисом. Федин – зав. ОРПО крайкома, арестован, также привезен Варейкисом, ранее работал у него помощником в Воронеже, затем в Сталинграде был зав. ОРПО. Первый секретарь Амурского обкома Косокин работал с Варейкисом около семи лет. Беккер – первый секретарь Приморского обкома, родственник Варейкиса. Гришенин – заведующий отделом печати крайкома – работал у Варейкиса помощником в Воронеже. Дроздов – зав. совторготделом – также работал помощником у Варейкиса в Воронеже и Сталинграде. Рохлин – второй секретарь Уссурийского обкома – родственник жены Варейкиса. Часть руководящих работников в крае также вызывала политическое сомнение.

Стацевич описал стиль работы Варейкиса, который работал с 11 утра до 6 вечера и очень редко вечерами, и так работал весь аппарат. Напряжения в работе у него не было. Руководство таким огромным и сложным краем было поставлено на самотек. В заключение делался вывод, что Варейкису политически доверять нельзя. «Вся линия и практика его работы построена не на выкорчевывании врагов, а на покровительстве им»⁵⁰.

Сегодня совершенно ясно, что задача по сбору компрометирующей информации на Варейкиса перед Стацевичем была поставлена Сталиным. Самостоятельно заниматься этим он бы не рискнул. А Сталину эта информация, видимо, была нужна для принятия окончательного решения: оставлять Варейкиса у руководства краем или нет.

Компромат, поданный Стацевичем, способствовал тому, что 3 октября 1937 г. Политбюро приняло решение освободить Варейкиса от обязанностей первого секретаря Далькрайкома ВКП(б) ввиду перехода его на другую работу. Исполняющим обязанности первого секретаря Далькрайкома был рекомендован второй секретарь Г. М. Стацевич⁵¹.

В свою очередь, заведующий отделом печати и издательств Л. З. Мехлис внес свою лепту, сообщив Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову и Ежову о том, что редактор газеты «Тихоокеанская звезда» А. В. Швер на протяжении ряда лет был политически тесно связан с троцкистско-бухаринскими шпионами Рябовым и другими. Редактируемые им в разное время газеты воронежская «Коммуна», «Сталинградская правда», «Тихоокеанская звезда» отличались тем, что они носили ярко враждебный подхалимский характер. Никогда в редактируемых Швером газетах не было острой борьбы против троцкистов и правых. Мехлис объяснял это тем, что Швер чужой и враждебный партии человек.

Отдел печати ЦК ВКП(б) внес предложение: за связь с троцкистско-бухаринскими шпионами и засорение редакции «Тихоокеанской звезды» враждебными и политически сомнительными людьми снять Швера с работы редактора и исключить его из партии. При этом прилагался проект постановления⁵².

4 октября 1937 г. Стацевич направил шифртелеграмму на имя Сталина, в которой сообщал, что, обсудив статью в «Правде» от 30 сентября «Кто редактирует „Тихоокеанскую

---

⁵⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 34–43.

⁵¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 304. Л. 110.

⁵² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 30–33.

звезду“», бюро крайкома, признав правильным критику редактора газеты Швера и его заместителя Б. Я. Кукуя, исключило их из партии, передав дело Швера органам НКВД.

«Бюро в своем решении констатировало, что такое положение с руководством газетой явилось следствием и отражением отсутствия подлинно большевистского руководства со стороны крайкома ВКП(б) и его первого секретаря Варейкиса. Бюро крайкома и его первый секретарь не выполнили указаний Сталина, данных на февральском Пленуме ЦК о повышении бдительности, о ликвидации идиотской болезни беспечности. Бюро крайкома решило полностью опубликовать свое постановление в местной печати, но поскольку часть решения касается первого секретаря Варейкиса, опубликование задерживаем до ваших указаний. Статья „Правды“ была получена после отъезда Варейкиса на Пленум и обсуждение проходило в его отсутствие»⁵³.

Заведующий отделом печати и издательств Мехлис внес на утверждение ЦК ВКП(б) кандидатуру нового редактора «Тихоокеанской звезды» корреспондента «Правды» по Таджикской ССР Верховского, «который проделал значительную работу и сейчас мог бы быть переброшен на Дальний Восток»⁵⁴.

27 марта 1938 г. Блюхер сообщил Сталину, Ворошилову и Молотову об окончании работы Пленума крайисполкома, созванного для решения вопросов, связанных с севом. Выяснилось, что тракторов в МТС отремонтировано примерно 85 %. По совхозам положение было не лучше. Как в МТС, так и в совхозах неотремонтированные машины требовали серьезного ремонта и запасных частей.

Далее Блюхер писал: «Вчера же узнал, что в результате состоявшегося разговора между Стацевичем и Маленковым 28 марта в Москву должен выехать Легконравов с материалами о состоянии колхозов Дальнего Востока, лично считаю, что выезд Легконравова в Москву возможен лишь только в том случае, если решено разобрать поступившие на него заявления по месту его прежней работы, в которых его обвиняют в покровительстве работавшим в крайисполкоме врагам народа. Эти материалы действительно имеются и Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) были пересланы в Хабаровск Стацевичу. Но если вызов Легконравова с этими материалами не связан, то считаю, что Легконравову необходимо на время посевной быть в крае. Отъезд Легконравова из края, бесспорно, скажется на руководстве севом, а самое главное, создаст положение, при котором, в случае срыва плана посева и его качества, трудно будет найти ответчиков за плохой итог посевной, т. к. даст возможность Стацевичу свалить вину на Легконравова, а последнему, в связи с поездкой в Москву, снять с себя вину и переложить на крайком. Поэтому, если нет причин, связанных лично с Легконравовым, то нужно, по моему, Легконравова оставить в крае, а в Москву вызвать т. Анисимова. В этом случае будут ответчики за ход сева на месте, и дело сева от этого выиграет, а представительство тов. Стацевича в Москве Анисимовым будет обеспечено».

Почему Блюхер переключился с вопросов, связанных с армией, на вопросы сева, не совсем понятно. Наверное, это было связано с ненавязчивой передачей компромата на руководство края.

Далее он сообщил, что армия, сокращая норму выдачи свежих овощей, выделяла краю для посева 5000 т картофеля и 1000 т – Тихоокеанский флот. «Почти столько же, сколько выделяет ТОФ, должны дать пограничники и Дальлаг. Если этого будет мало, то армия за счет сокращения нормы свежих овощей в пайке сможет выделить еще 3–4 тыс. т. Если будет одобрение ЦК, то армия готова была помочь в трактористах и водителях»⁵⁵. Вот на такие само-

---

⁵³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 44.

⁵⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 50–52.

⁵⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 65–70.

пожертвования и лишения своих красноармейцев готов был согласиться с одобрения партии маршал Блюхер.

Позже, как и все, Блюхер начинает информировать инстанции. Так, 13 апреля 1938 г. он разговаривал с первым заместителем наркома обороны СССР, членом Главного военного совета РККА командармом 1 ранга И. Ф. Фелько «по проводу» и просил срочно передать Сталину следующее: «Мои последние наблюдения за работой и поведением тройки работников, о которой речь шла в моей телеграмме тов. Сталину от 27.3 № 01/0071, эта тройка в указанной телеграмме упоминается в ее конце, – приводит меня к выводу о том, что ей политически доверять нельзя. Эти сомнения закрались у меня давно, мне кажется, что у этих людей, начинающих в своих выступлениях с имени ЦИКа и Сталина и этим кончающих, очень плохие дела на практике, или, во всяком случае, вызывающие очень большое подозрение. Я несколько раз слышал автобиографию этих людей по их выступлениям на собраниях и каждый раз у меня оставались от их рассказов сомнения. Двое главных из них в дни Гражданской войны все время болтались на западном и юго-западном фронтах, работая то в 12 армии, то в Мозыревской группе, то в 16 армии.

Теперь совершенно ясно, что на фронте этих армий работала сильная, хорошо сколоченная и многочисленная группа предателей пилсудчиков. Эта группа предателей для насаждения своих агентов по развалу войск широко использовала польские бюро или польские отделы при наших партийных органах. Один из них, у которого Петр Александрович был перед отъездом из Хабаровска, как будто работал и болтался по этим польским бюро, так как сам он уроженец Двинского или Гродненского районов Польши.

Я упоминаю в разговоре Петра Александровича для того, чтобы установить о ком идет речь. Мои настроения в отношении этих лиц Петр Александрович помнит еще по своей поездке на Дальний Восток, о них в разговоре с ним я и тогда высказывал некоторое сомнение, которое сейчас у меня перерастает в убеждение.

Передаю это сейчас по проводу в связи с только что полученными указаниями, свидетельствующими об обстановке на Дальнем Востоке. Свидетельствующими о напряженной обстановке на Дальнем Востоке. Доклад об этих людях и их делах я имел через 2–3 дня передать шифром, сейчас это ускоряю и свои сомнения и очень большие опасения передаю, пользуясь разговором с Вами.

Прошу передать тов. Сталину, что обоих руководителей, о которых идет речь, следует хорошо и немедленно проверить по их личным делам⁵⁶.

Понятно ли Петру Александровичу о ком я говорю?

Говорит тов. Смирнов, понятно, Василий Константинович»⁵⁷.

Политическая возня продолжалась. 31 марта 1938 г. Стацевич направил в ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову копию материала, присланного М. Ф. Шкирятовым в крайком на Легконравова, в котором тот обвинялся в защите лиц, оказавшихся впоследствии врагами народа. Стацевич просил совета, рассматривать ли этот материал на бюро крайкома?

По жалобе Блюхера на отсутствие коллективного руководства в бюро крайкома Стацевич высказал предположение, что во всем этом деле играет негативную роль Легконравов, который занимается интриганством⁵⁸.

Блюхер 28 марта 1938 г. информирует Сталина и Ворошилова о том, что «Стацевич по возвращении из Москвы часто и не всегда к месту, рассказывает, как он докладывал Вам о тяжелом жилищном положении, в котором находится ОКДВА. Казалось бы, это обязывало его как секретаря крайкома и члена Военсовета армии всячески помогать армии. К сожалению,

---

⁵⁶ Имеются в виду Г. М. Стацевич и П. К. Легконравов.

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 71–72.

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 73.

кроме ни к чему не обязывающих слов, со стороны Стацевича армия реальной практической помощи не видит и не испытывает».

Далее он писал, что, исполняя решение февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б), армия пропустила через партийные и политические курсы со сроком от 2 до 4 месяцев 914 политработников. При этом для размещения курсов пришлось закрыть санаторное отделение Хабаровского военного госпиталя. Очередные партийные курсы в 200 чел. собрать негде. Хотя в Хабаровске уже 6 месяцев стоит пустым огромное здание, которое подготовлено для партийных курсов, открыть которые собираются, но собрать никак не могут. Это здание может вместить одновременно и курсы крайкома и 200 чел. наших политработников. Стацевич третий месяц отказывается удовлетворить нашу просьбу под разными предлогами. Последний раз он заявил, что запросил разрешение у Вас и ждет разрешения. В связи с этим Блюхер просил дать Стацевичу разрешение предоставить ОКДВА помещение для 4-месячных партийных курсов Пуарма ОКДВА на 200 политработников. Просил он также выделить дополнительно к ассигнованным средствам еще 4 млн руб. для постройки в Хабаровске здания армейского учебного центра⁵⁹.

В тот же день Сталин ответил: «Первое. Ваши записки получил. Спасибо за информацию. Не допускаю, чтобы Стацевич имел что-либо против Вас, ибо мне хорошо известно его положительное отношение и уважение к Вам. Возможно, что Легконрахов ласково мутит воду и мешает Вам разглядеть действительное лицо Стацевича, которого ЦК считает хорошим товарищем и работником. Легконрахов способен на такие фокусы.

Второе. У меня нет и не было никакого запроса от Стацевича насчет предоставления ОКДВА помещения партшколы для 200 политработников. Понятно, что я стою за предоставление помещения.

Третье. Легконрахов вызван по вопросу о распределении колхозных доходов, а также по некоторым другим щекотливым вопросам, бросающим на него тень»⁶⁰.

Таким образом, Блюхеру не удалось скомпрометировать Стацевича, но посеять червь сомнения в способностях партийного руководителя удалось.

26 мая 1938 г. Политбюро принимает решение освободить Г. С. Люшкова от работы начальника УНКВД ДВК, с отзывом его для продолжения службы в центральном аппарате НКВД СССР. На должность начальника территориального управления утверждался Г. Ф. Горбач, с освобождением его от должности начальника УНКВД по Новосибирской области⁶¹.

В связи с тем, что многих руководителей, в том числе и в НКВД, репрессировали, 1 июня 1938 г. Политбюро провело массовые назначения по НКВД ДВК.

«1. Назначить заместителем начальника Управления НКВД по Дальне-Восточному краю и заместителем начальника Особого Отдела НКВД СССР ОКДВА т. Ямницкого М. С. с освобождением от должности начальника 3-го отдела 2 Управления НКВД СССР.

2. Назначить начальником Управления НКВД по Приморской области ДВК и начальником Особого Отдела НКВД СССР по Тихоокеанскому флоту т. Дементьева В. Ф. с освобождением от должности начальника Управления НКВД по Архангельской области.

3. Назначить начальником Управления НКВД по Уссурийской области ДВК т. Сорокина И. Г.

4. Назначить начальником Управления НКВД по Амурской области ДВК т. Диментмана М. И. с освобождением от должности начальника Управления НКВД по Приморскому краю.

5. Назначить начальником Управления НКВД по Сахалинской области ДВК т. Папивина А. А.

⁵⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 63–64.

⁶⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 62.

⁶¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 126.

6. Назначить начальником Управления НКВД по Камчатской области ДВК т. Клейменова А. П.

7. Назначить начальником Управления НКВД по Нижне-Амурской области ДВК т. Маевского В. М.

8. Назначить начальником Управления НКВД по Еврейской автономной области ДВК т. Соловьева П. А.

9. Назначить начальником Управления НКВД по Хабаровской области ДВК т. Иванова И. Т.

10. Назначить начальником Особого Отдела НКВД СССР Краснознаменной Амурской военной флотилии т. Утянова И. М.

11. Освободить от занимаемой должности заместителя начальника Управления НКВД по Московской области т. Якубовича Г. М. в связи с назначением его на должность помощника начальника Управления НКВД по Дальне-Восточному краю»⁶².

4 июня 1938 г. Сталин принимает решение в отношении Стацевича. Он пишет в Красноярский крайком партии С. М. Соболеву: «ЦК ВКП(б) считает, что т. Стацевич не справляется с обязанностями первого секретаря Далькрайкома ВКП(б). ЦК ВКП(б) убедился, что т. Стацевич работает неважно, к севу готовится плохо, военному делу не помогает, хотя об этом ему была дана специальная директива, руководство парторганизацией выпустил настолько, что его удалили с одной райпартконференции.

Обратите внимание на партийный аппарат крайкома и обеспечьте, чтобы в нем было все чисто, так как сейчас, по-нашему, в аппарате крайкома неблагополучно. Также посмотрите партийный аппарат обкомов партии, прежде всего Приморской области и особенно во Владивостоке, так как и там, по-нашему, тоже не чисто.

Информируйте о результатах приемки дел и о принимаемых Вами мерах по укреплению партийного руководства в крае»⁶³.

Соболев 18 июня 1938 г. сообщает Сталину и Маленкову о принятии дел по Дальневосточному крайкому. Естественно, при этом стал «топить» попавшего в опалу Стацевича. Ведь надо же было в перспективе показать свои результаты. По его словам, он получил самые общие сведения о крае. Списка работников аппарата крайкома с описанием их деловой и политической характеристики не оказалось. После того как список был составлен, то Стацевич по большинству работников ничего не мог сказать, обнаружив их незнание. По статистике оказались потерянными ряд первичных парторганизаций. Стацевич не мог объяснить, куда они исчезли. Чистые бланки партбилетов и ключи от сейфов хранились не у Стацевича, как этого требовала директива ЦК, а у двух учетчиков, один из которых проходил по показаниям как заговорщик. Удалось установить, что 11 ответственных работников крайкома и обкомов проходили по показаниям участников контрреволюционной организации или были просто сомнительными, не внушающими политического доверия лицами.

Был арестован зав. финхозсектором Демидов, который сразу стал рассказывать о своей заговорщической работе, стал выдавать других. Также был арестован зав. совторготделом Шапиро и несколько других работников аппарата.

Во Владивосток был послан секретарем Приморского обкома Фомичев с разработанным планом операции по очистке аппарата в Приморской организации.

Соболеву бросилась в глаза «исключительная расхлябанность, распушенность, беспечность». Среди работников аппарата процветали «настроения отдыхать, поменьше работать». Вызов работников вечерами или в выходной день встречается визгом недовольства.

---

⁶² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 304. Л. 127.

⁶³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 304. Л. 128.

16-17 июня на совещании и во время индивидуальных разговоров с секретарями Соболев поставил перед ними задачи по решительной очистке и укреплению областного, городского и районного партийного и советского аппаратов, особенно в пограничных районах, внимание и помощи армии, подготовке к уборочной.

Для укрепления краевого аппарата Соболев просил ЦК прислать председателя крайисполкома, зав. ОРПО, зав. сельскохозяйственным отделом крайкома ВКП(б), которого «совершенно нет и отдел фактически не существует»; зав. отделом печати для замены редактора краевой газеты «Тихоокеанская звезда», которым только назначили Г. М. Красильникова; а также второго секретаря и зав. ОРПО Приморского обкома, секретаря Сахалинского обкома.

Ввиду необходимости немедленного снятия ряда секретарей пограничных райкомов просил ЦК о срочной присылке десяти товарищей для укрепления этих райкомов. Как положено, в заключение Соболев заверил, что сделает все, чтобы выполнить полностью поручение ЦК и Сталина⁶⁴.

После того как дела были приняты, он сообщил в ЦК ВКП(б) Сталину и Маленкову о мероприятиях по очистке партийного аппарата.

«Сняты с работы и переданы органам НКВД: второй секретарь крайкома Анисимов, зав. ОРПО крайкома Баринов, оказавшийся маньчжурцем, членом контрреволюционно-троцкистского кружка Радека в Сибири, и четыре ответработника крайкома, кроме того, ряд ответственных и технических работников сняты с работы в аппарате крайкома как не вызывающие политического доверия.

Библиотека крайкома засорена контрреволюционной троцкистской литературой.

Лично проверяя весь состав аппарата Хабаровского горкома и всех райкомов города, партийное хозяйство которых крайне запущено, выявлено и снято свыше 40 чел. ответственных и технических работников, недостойных работать в партаппарате. Среди них: эстонцы, поляки, латыши, харбинцы, колчаковцы.

Занимаемся подбором работников в аппарат крайком. После городской конференции приступило к работе бюро Хабаровского горкома в новом составе. На днях заканчиваем формирование аппарата горкома.

В аппарате Хабаровского обкома снято 5 ответработников. Арестованы заговорщики: председатель Хабаровского облисполкома Вяшков, зав. ОблЗУ Евдокимов, зав. Облвнуторгком Сенюшкин. Арестован секретарь Сахалинского обкома Беспалько. Снят с работы секретарь Сучанского горкома (Приморская область) Никитин. Снят ряд ответственных и технических работников Уссурийского обкома и Ворошиловского горкома. Засорен партаппарат и редакция газеты Еврейской Автономной области правыми, бундовцами, сионистами, которые в количестве 10-ти чел. также сняли с работы. Проводим проверку партаппарата Дальневосточной ж. д.

Тов. Сталин! Обращает на себя внимание положение в партаппарате Тихоокеанского флота, засоренность его иностранцами: латышами, эстонцами и т. д. Об этом я говорил с членами Военного совета флота, обращал их внимание на необходимость немедленной тщательной проверки штаба и политуправления. Прошу ЦК дать указание о производстве очистки командно-политического аппарата Тихоокеанского флота.

За эти дни провели совещание секретарей парткомов и парторгов первичных парторганизаций г. Хабаровска по вопросу улучшения партработы в организации и укрепления партаппаратов. Провели городское собрание партактива с участием актива строителей по вопросу жилищно-коммунального строительства.

Провели совещание заведующих отделами крайисполкома и руководителей краевых промышленных и торгово-кооперативных организаций с участием секретарей парткомов и парт-

---

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 100–102.

оргов этих учреждений по вопросу о немедленной ликвидации разболтанности краевого советского аппарата, разительного улучшения работы. Работу по очистке партаппарата продолжаем, о нем буду регулярно информировать ЦК»⁶⁵.

Сталин, в свою очередь, попросил Соболева:

«ПЕРВОЕ. Сообщите коротко, в каком положении застали организацию и что думаете сделать для улучшения дела.

ВТОРОЕ. Какие меры думаете предпринять, чтобы овощи, картофель производились у вас на месте в достаточном количестве, так как, как вам известно, завоз овощей, картофеля в ваш край не будет больше производиться с 1939 г.»⁶⁶.

В ответ Соболев доложил, что, после того как он приступил к исполнению обязанностей секретаря Далькрайкома ВКП(б), в организации числилось членов ВКП(б) 17 820 чел., кандидатов 6109 чел. За период с 1 июля 1937 г. по 1 июня 1938 г. краевая парторганизация уменьшилась на 3467 чел. Было принято на учет горкомов и райкомов в течение года 10 839 чел. и снято с учета 14 255 чел. В организации отмечалась большая текучесть и слабый рост (с начала возобновления приема в партию было принято по краю 982 чел.). Ряд первичных организаций оказались потерянными, из руководящих работников никто не смог объяснить, куда делись эти организации. Было установлено, что ряд первичных организаций распался.

В результате очистительной работы из аппарата крайкома ВКП(б) было удалено и передано органам НКВД 25 ответственных работников. Соболев также писал, что ему стало ясно «сопротивление и визг работников аппарата, которые были оказаны мне при приеме дел от Стацевича, – аппарат находился в руках врагов». А. М. Анисимов показал, что вражеская работа проводилась им вместе со Стацевичем и другими заговорщиками, орудовавшими в аппарате крайкома.

Отчитался Соболев и по обкомам ВКП(б). Из них наиболее засоренным оказался Приморский. Были сняты и переданы органам НКВД секретарь обкома Н. П. Коротков, зам. зав. ОРПО М. И. Мохов, зав. Культпропом А. В. Коршков, зав. отделом школ и науки К. Т. Галкин, И. В. Колин – третий секретарь Владивостокского горкома и ряд других. Всего было удалено из аппарата обкома, горкома и райкомов г. Владивостока более 60 чел., из которых более 30 арестовано как заговорщики, шпионы, диверсанты.

Из аппарата Уссурийского обкома и Ворошиловского горкома и райкомов было снято 23 чел. Из аппарата Хабаровского обкома – 12 ответственных работников. Из аппарата горкома и райкомов г. Хабаровска – более 40 чел. Из аппарата Амурского обкома и из состава секретарей райкомов области было снято 13 чел. Поездка в Благовещенск привела Соболева к выводу о необходимости замены секретаря Амурского обкома С. А. Макагонова, который вместе с начальником Амурского НКВД М. И. Говличем не вызывал политического доверия. Безапелляционно констатировалось: «Макагонов – друг Стацевича, Говлич ставленник Люшкова. От работы обкома и редакции газеты „Амурская правда“ несет правой практикой».

Из состава ответработников обкома Еврейской автономной области и секретарей районных комитетов было удалено 10 чел., из числа которых «преобладали» сионисты, бундовцы и другие враждебные элементы и заговорщики.

Был арестован бывший первый секретарь Сахалинского обкома Ф. В. Беспалько. Засоренность «обнаружилась» и в обкомах ВКП(б) Нижнеамурском и Камчатском.

Отчетно-выборные собрания первичных парторганизаций, районных, городских и областных не вскрыли орудовавших врагов. Например, из числа делегатов на Приморскую областную партконференцию 22 чел. «оказались» врагами народа.

⁶⁵ РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д. 306. Л. 107–108.

⁶⁶ РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д. 306. Л. 109.

Соболевым вызывались начальники политотделов железных дорог, водного транспорта, рыбной, пищевой промышленности, гражданского воздушного флота специально по вопросу об очистке политотдельского партийного аппарата. В результате проведенной работы «обнаружилась» большая засоренность и в этих аппаратах заговорщиками и всяким другим контрреволюционным враждебным элементом, особенно по Дальневосточной железной дороге. «Работу по очистке продолжаем», – рапортовал первый секретарь крайкома.

Уполномоченный КПК А. Л. Раздобреев проходил по показаниям как заговорщик. Орудовавшие в партийном аппарате враги срывали выполнение решений февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) на Дальнем Востоке. Этим объяснялась большая засоренность парторганизаций армейского аппарата, аппарата советских хозяйственных предприятий истроек контрреволюционными элементами, которые в открытую продолжали свою разрушительную работу⁶⁷.

Было установлено, что КПК «восстанавливала в партии белогвардейцев и шпионов и мариновала апелляции ни за что исключенных партийных товарищей. Вражеским оказалось и руководство крайкома комсомола, которое в настоящее время обновлено». Фаворит на день, но еще не знавший об этом, Соболев отразил царивший развал на всех уровнях партийных органов ДВК.

В обкомах, райкомах за небольшим исключением, отмечалось им, развалено партийное хозяйство. На учете, хранении, выдаче партбилетов сидело много шпионов, белогвардейцев, харбинцев. Оформление и выдача партдокументов вновь принятым и восстановленным в партии умышленно задерживались. В первичных парторганизациях мало ставилось злободневных вопросов партийной жизни, острых вопросов работы предприятий, учреждений. Особенно громадный ущерб враги нанесли в деле кадров. Часть актива как гражданских, так и военных организаций они завербовали в свои контрреволюционные фашистские организации. Немалое количество людей разложилось подкупам, пьянкой, которые сильно развиты среди военных и гражданских работников, сделали их безвольными, неспособными драться за линию партии. Насаждали беспечность. Разрушали партийную и государственную дисциплину. Этим самым наносили большой ущерб боеспособности всей большевистской организации Дальнего Востока. Всячески срывали выдвижение новых работников. Присылаемым ЦК работникам не создавали условий в работе, им не помогали, плохо ориентировали в местной обстановке. Затрудняли их работу. За малейшие ошибки их компрометировали. Все это мешало закреплению присылаемых товарищей на Дальнем Востоке. Многие из них в момент приезда в регион садились на чемоданы, в ожидании случая уехать обратно на Запад.

Особенно тяжелое положение с жильем сложилось для работников как краевых, так областных и районных центров. Соболев заверял, что получил огромное количество писем, жалоб и протестов от товарищей, которые с семьями приехали на Дальний Восток и многими месяцами не имели жилья. Враги развалили партучебу, особенно в Приморье. Арестованный зав. отделом агитации и партпропаганды Приморского обкома А. В. Коршков показал, что он имел задание развалить партучебу, насадить врагов в системе партпросвещения и учебы актива, что и было им сделано.

Райисполкомы г. Хабаровска, Владивостока и других, кроме того что были засорены, не представляли собой органов боевого руководства первичными организациями. Райкомы были обезличены – они не отвечали за хозяйственную, политическую и культурную жизнь района, как это было поставлено в Москве и Ленинграде. Райкомы не организовывали «настоящей драки за выполнение заводами промфинплана, за выполнение плана строительства жилищных и культурных учреждений» и т. д. Вновь организованный железнодорожный райком в г. Хаба-

⁶⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 110–111.

ровске после конференции в течение двух месяцев не работал ввиду того, что ему никто не давал помещения.

Обращала на себя внимание обособленность, отсутствие взаимной, крепкой большевистской связи в парторганизациях армии и флота, железнодорожного и водного транспорта, рыбаков, работников Наркомпищепрома. Эта «ведомственная» разобщенность организовывалась врагами, сидевшими в краевых аппаратах. Особенно Соболев подчеркивал вражескую работу по созданию антагонизма между армейскими и гражданскими коммунистами. Многие руководящие работники, в т. ч. армейские, железнодорожного и водного транспорта, зазнались, плохо знали дорогу и комитеты своей большевистской организации. «Этой разобщенности кладем конец», – заверял первый секретарь крайкома.

Уверял он Сталина и в том, что работает «над укреплением партийных аппаратов, в первую очередь крайкома, который должен быть настоящим руководителем всего, держать парторганизации и всех коммунистов независимо от чинов, рангов и места их работы. Эту задачу буду проводить настойчиво, последовательно воспитывая работников в духе беззаветной преданности ЦК ВКП(б), в духе большевистской организованности и дисциплины, мобилизуя всех коммунистов на боевое выполнение директив ЦК в крае. В крайком выдвинуто 26 ответработников, преимущественно инструкторов».

По сообщению ОРПО ЦК, в ближайшее время должны были выехать в ДВК второй и третий секретари крайкома и несколько товарищей на заведование отделами крайкома, а также на руководящую партийную и советскую работу в области и районы. Сталина просили ускорить подбор и посылку этих работников.

По мнению Соболева, очень плохо была проведена Приморская областная партконференция. Поэтому он «укрепил работниками Приморский обком. Имеем всех трех секретарей и зав. отделами. Аппарат обкома развернул работу по руководству организациями. Аппарат Хабаровского горкома состоит целиком из новых людей. Продолжаем укрепление аппаратов Уссурийского, Хабаровского обкомов ВКП(б), горкомов и райкомов края. Для этой цели по краю выдвинуто до 200 чел. работников. По областям края провели собрания активов по вопросам укрепления партийного аппарата, развертывания партработы и укрепления связи и помощи Красной армии. В Хабаровске провели партийный день по выполнению решений отчетно-выборных собраний первичных парторганизаций».

Кроме этого, была «обновлена редакция краевой газеты „Тихоокеанская звезда“, которая стала значительно лучше. В крайисполкоме продолжительное время нет председателя и зама некоторых зав. отделов. Громадный аппарат фактически без руководства».

Советский краевой аппарат представлял, по оценкам Соболева, разбухшую канцелярию с разваленной государственной дисциплиной среди работников. В Приморской, Амурской и Хабаровской областях продолжительное время не было председателей облисполкомов, начальников ОблЗУ, плановых и финансовых работников. Отсутствие данных руководителей способствовало развалу советской работы, расшатыванию дисциплины среди работников аппарата. Такое состояние аппарата не могло не сказаться на руководстве хозяйственной и политической жизнью края, где вся хозяйственная, политическая и культурная работа должна была быть подчинена интересам помощи армии и укреплению обороны.

Соболевым было созвано специальное совещание начальников управлений и заводделов крайисполкома, секретарей первичных организаций этих учреждений. На нем он рассказал о большой засоренности аппарата. «На мой вопрос – кто из руководителей отделов выезжал в районы края, из 20 участников совещания поднял руку только один – начальник КрайЗУ Панченко и тот, оказывается, выезжал только один раз в деревню под Хабаровском. Руководящих работников крайисполкома в областях и районах не знают».

Столы работников советских учреждений переполнены неразобранными жалобами, письмами и заявлениями трудящихся. В крайисполкоме накопилось громадное количество

вопросов, которые нужно незамедлительно решать. Трудящиеся по всем даже мелочным вопросам и сами руководители советских учреждений обращаются в крайком ВКП(б). Соболев особо подчеркивал исключительную засоренность прокуратуры, суда, органов связи и торгового аппарата.

По его словам, враги долгими годами создавали такое положение, когда почти все отрасли промышленности края не выполняли программы, – военная промышленность, водный транспорт, рыбная, лесная. Новые военные заводы не достроены (заводы им. Горького, Кагановича, завод в Комсомольске). На ряде этих заводов он был лично, «на днях был на заводе Молотова. Это единственный на Дальнем Востоке артиллерийский завод, который выполняет программу всего на 20–25 %».

В сельском хозяйстве «вредители из года в год сокращали посевные площади, снижали урожайность, уничтожали скот, допуская большой процент падежа молодняка, срывали посев овощей. Запущено денежное хозяйство и строительство. В Хабаровске созывали партийный актив, актив строителей и на днях четырехтысячное собрание строительных рабочих».

В крае дислоцировалось большое количество военных и гражданских строек. За исключением тех, которые вело НКВД, «все находились в состоянии тяжелого прорыва. На протяжении ряда лет враги, сидевшие в партийно-советском и хозяйственном аппаратах, организовывали срывы крупнейших мероприятий партии в деле хозяйственного, оборонного и культурного укрепления и развития Дальнего Востока. Разваливая партийный и государственный аппарат, разваливая хозяйство, враги наносили крупнейший ущерб непосредственному тылу Красной армии на Дальнем Востоке. Враги, сидевшие в гражданских учреждениях и предприятиях, проводили свою злодейскую работу в сговоре с контрреволюционными изменниками, орудовавшими в военных организациях, вкуче пытаясь продать Дальневосточный край японскому империализму».

Обращаясь к Сталину, в качестве неотложных задач Соболев отразил следующие:

- очистить партийно-советский, армейский, хозяйственный аппарат от всякой правотроцкистской, белогвардейской шпионской сволочи;
- укрепить аппарат крайкома, обкомов, горкомов, райкомов, сделать его недоступным для врагов;
- организовать большевистское воспитание и учебу актива, поднять его бдительность, дисциплину;
- поднять роль и боеспособность первичных парторганизаций, мобилизовать их на полную реализацию решений февральско-мартовского Пленума ЦК;
- организовать проведение в жизнь решений январского Пленума ЦК. Укрепить сверху донизу советский аппарат;
- навести в нем порядок, сделать так, чтобы он работал честно. Выдвинуть в него работников из низов;
- укрепить связь с частями армии. Приковать к ней внимание всех партийно-советских организаций Дальнего Востока. Всеми силами организовать ей помощь и укрепить ее боеспособность. Организовать ликвидацию прорыва в промышленности, в первую очередь в военной.

Первый секретарь также просил ЦК заставить соответствующие наркоматы принять в этом деятельное участие. Планировал подготовить к зиме железнодорожный транспорт, организовать уборку урожая. Подготовить реализацию постановления ЦК и СНК об обеспечении собственными овощами и картофелем ДВК в 1939 г. Подготовить краевую партконференцию и отлично ее провести. Выбрать краевой комитет из числа преданных партии и родине товарищей и через конференцию мобилизовать всех коммунистов на большевистское выполнение

поставленных ЦК ВКП(б) задач, подчеркнуть на конференции военно-политический характер работы всей Дальневосточной парторганизации⁶⁸.

27 июня 1938 г. Политбюро утвердило постановление Комитета Оборона от этого же числа о мероприятиях по укреплению боевой готовности Дальнего Востока. На строительство укрепрайонов в 1938 г. выделялось из резервного фонда СНК СССР 25 млн руб. Кроме того, были выделены средства на строительство оперативной связи для вновь созданного по приказу НКО СССР от 28 июня 1938 г. (в соответствии с постановлением Главного военного совета РККА от 8 июня 1938 г.) на базе ОКДВА Краснознамённого Дальневосточного фронта. Общая сумма составила 25 248 млн руб.

На строительство аэродромов выделялось 13 млн руб. Были решены вопросы организационно-мобилизационного обеспечения Красной армии на ДВК. Кроме того, решались вопросы по строительству железных и шоссейных дорог; по размещению начальствующего состава армии; по фуражному довольствию; санитарному и ветеринарному обеспечению; обеспечению средствами химзащиты и строительству химических заводов; организации полевого ремонта военной техники, созданию ремонтной базы военной техники и др.⁶⁹

Учитывая непростые отношения с Японией, активно готовящейся к войне с Советским Союзом, руководством НКВД были предприняты меры по укреплению границы. Так, в первых числах июля 1938 г. советские пограничники скрытно заняли позиции на высоте Заозерная. Граница проходила по гребню этой сопки. Ранее никаких укреплений там не было. Пограничники стали рыть окопы и возводить проволочные заграждения. 12 июля японцы обнаружили эти укрепления.

Сам конфликт, согласно советской версии, начался 15 июля 1938 г. в районе Заозерной, куда в этот день был послан отряд жандармов, один из жандармов – Сякуни Мацусима – был убит советскими пограничниками. Японцы утверждали, что труп лежал на маньчжурской стороне границы, следовательно, виновны русские. Расследование, проведенное по приказу Блюхера, подтвердило выводы японской стороны. Созданная по его инициативе комиссия обнаружила «нарушение» пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, установила виновность в возникновении конфликта на оз. Хасан советской стороны. В связи с этим Блюхер потребовал немедленного ареста начальника пограничного участка и других виновных в провоцировании конфликта с японцами.

Дипломатические переговоры не урегулировали проблему. По инициативе японского командования границу перешли десятки местных жителей с письмами, где просили русских уйти с маньчжурской земли.

29 июля японцы атаковали высоту Безымянная на советской территории, при этом были убиты пятеро пограничников. Подошедшая рота Красной армии заставила их отступить. Однако 31 июля японские войска снова смогли занять высоту Заозерную и сопку Безымянную. Атаки Красной армии на эти высоты начались только 2 августа, когда японцы успели окопаться и оборудовать огневые позиции. Начатое в этот же день советское наступление захлебнулось. Блюхера обвинили в промедлении. Он все еще надеялся на мирное урегулирование инцидента и ничего не предпринимал для подготовки войск с целью ведения боевых действий.

Японцы предложили урегулировать спор миром и вернуться к позициям, которые стороны занимали утром 11 июля – до инцидента. Однако советская сторона выдвинула предложение вернуться к позициям, существовавшим до 29 июля, т. е. до даты, когда японские войска перешли границу и начали занимать высоты Безымянную и Заозерную.

Началось новое наступление советских войск, но ни одной высоты взять так и не удалось. Вновь состоялись переговоры, в результате которых стороны пришли к соглашению, что в 20

---

⁶⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 112–116.

⁶⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 322. Л. 99–120.

часов 12 августа главные силы японской армии и главные силы Красной армии отводились назад на расстояние не ближе 80 метров от гребня сопки, таким образом гребень сопки оставался в качестве нейтральной зоны. Японцы отошли с захваченных территорий.

В результате этого конфликта советские потери составили 792 чел. убитыми и 2752 ранеными, японские соответственно – 525 и 913. По итогам хасанских боев отмечалось, что боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне⁷⁰.

Неудача у оз. Хасан стоила потерей престижа Красной армии, потерей веры в ее боеспособность. Оказалось, что регион к войне не готов. В т. ч. и в связи с этим командующего Дальневосточным фронтом Маршала Советского Союза В. К. Блюхера на Главном военном совете в конце августа сняли с должности, а 22 октября арестовали. В тюрьме Блюхер подвергался избиениям. В целях получения показаний о «преступной» деятельности он подвергался обработке во время нахождения в камере внутренней тюрьмы НКВД. Вместе с ним в камеру был помещен агент, который по заданию Берии применял различного рода провокации, чтобы склонить его к самооговору. Он предлагал Блюхеру признаться в шпионаже в пользу Японии: «... Вы меня послушайте, я вас считаю японским шпионом, тем более, что у вас такой провал. Я вам скажу больше, факт, доказано, что вы шпион. Что вам нужно обязательно пройти камеру Лефортовской тюрьмы? Вы хоть думайте».

Из-за нежелания дать нужные следствию показания Блюхера направили в Лефортовскую тюрьму, там его подвергали жестоким истязаниям при личном участии Берии. Бывший начальник Лефортовской тюрьмы Зимин писал, что он лично видел, как Берия избивал Блюхера, «причем он не только избивал его руками, но с ним приехали какие-то специальные люди с резиновыми дубинками, и они, подбадриваемые Берией, истязали Блюхера, причем он сильно кричал: „Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают“. Берия же в свою очередь кричал: говори, как ты продал Восток». Не выдержав издевательств и насилия, Блюхер оговорил себя и заявил о связях с протроцкистской организацией. В тюрьме он и умер 9 ноября 1938 г.

16 августа 1938 г. Маленков сообщил Сталину о разговоре с Соболевым, который считал, что положение на Дальнем Востоке остается напряженным. Кроме вопросов, связанных с военными делами, он занимался промышленностью, особенно оборонной, железной дорогой и уборкой хлеба. «Серьезным препятствием в уборке хлеба явились большие ливни. В крае проходил призыв на военно-учебный сбор, по которому должны явиться в части несколько десятков тысяч людей. Штаб фронта, не продумав, издал приказ о поголовной явке на сбор, такая непродуманность могла здорово испортить дело, сейчас его выправляем».

Соболев сообщил о тяжелом положении с товарами. По этому поводу он вынужден был написать записку Сталину, т. к. Наркомлегпром, Наркомпищепром и сбытовые базы промышленности «возмутительно относились к снабжению и отгрузке запланированных решением Правительства для Дальнего Востока промышленных и продовольственных товаров»⁷¹.

Для укрепления работы партийной организации ЦК ВКП(б) направил в Хабаровск В. А. Донского. Прибыв на место назначения, Донской 1 октября 1938 г. сообщил Маленкову о том, что через 3 часа после приезда Соболев выехал в г. Ворошилов на партконференцию 1-й армии и находится там уже 4 дня. «Горбач занят операцией в Амурской области и продолжительное время живет в Благовещенске. Руководство краем настолько централизовано, что без Соболева никто и ничего не предпринимает». Все это помешало приехавшим сразу включиться в работу.

⁷⁰ Подробнее о выявленных работниками военной контрразведки недостатках в подготовке советских войск в период боев у оз. Хасан см.: *Туржилин С. В.* Органы и войска НКВД СССР в вооруженном конфликте у озера Хасан // Исторические чтения на Лубянке. «Органы обеспечения государственной безопасности России в годы Второй мировой войны и послевоенный период. Ч. 2. 2014 год». М., 2015. С. 37–54.

⁷¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 322. Л. 126–127.

Обрисовал он и сложное положение в экономике. Положение характеризовалось следующими данными: зерновых культур убрано 90 %; овощей 21 %; сена 58 % (из убранного много унесено водой). План силоса выполнен на 44 %. На Север отгружена только половина потребного хлеба, и подавляющая часть организации не выполнила плана завоза остальных товаров. Население Камчатки и Сахалина увеличилось, в связи с этим есть опасения, что население глубинных пунктов Севера будет голодать, как и в прошлом году. Плохо с рыбой. Шесть рыбтрестов из десяти не выполнили плана путины.

Донской также констатировал, что в пограничных районах была проведена большая очистительная работа, есть районы, в которых осталось всего 75-100 чел. населения. Партийные организации в этих районах слабые.

По мнению Донского, Соболев сделал довольно странное предложение. Он предложил немедленно обсудить вопрос об организации открытых процессов над двумя контрреволюционными группами, раскрытыми в Амурском и Райчихинском совхозах. Приехавшие отказались обсуждать этот вопрос, а позже пришли к убеждению, что эти процессы могут посеять неуверенность в тылу и в частях, расположенных на фронте. «Суетня вокруг этих двух небольших групп вряд ли принесет пользу».

В крае продолжался созыв краевых и областных совещаний, Соболев «не возражал против предложения прекратить эту говорильню, однако, как выяснилось, при отъезде в Ворошилов указаний об этом не сделал. Очень осложнил обстановку приезд Лебедева, который рассказал всему аппарату известные факты о Соболеве, его жене и о якобы состоявшемся решении ЦК в отношении Соболева, распространил слухи об его аресте».

В это время 20 октября 1938 г. Политбюро для решения ряда задач национальной безопасности и повышения управляемости территориями принимает решение Дальневосточный край разделить на два самостоятельных края: Хабаровский и Приморский.

Была проведена реорганизация погранохраны. 20 марта 1939 г. Дальневосточный округ пограничных и внутренних войск был разделен также на два – Приморский и Хабаровский. Одновременно из состава Хабаровского погранокруга выделены внутренние войска НКВД (железнодорожные, промышленные, конвойные, оперативные).

При этом необходимо отметить, что реорганизации подверглись и вооруженные силы ДВК. Решением Главного военного совета РККА от 31 августа 1938 г. управление Дальневосточного фронта было расформировано. На базе его войск были созданы 1-я и 2-я Отдельные краснознаменные армии, которые напрямую подчинялись Москве. Были приняты и другие меры по укреплению обороноспособности региона и нейтрализации угроз стране. Они оказались своевременными, т. к. существовали реальные предпосылки втягивания СССР в войну как на Западе, так и на Дальнем Востоке.

При проведении реорганизации Соболев был снят с должности. Секретарь оргбюро ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю В. А. Донской 9 ноября 1938 г. сообщил Маленкову, что Горбач получил из Москвы указание произвести обыск в квартире и служебном кабинете Соболева. Донской просил отменить эту операцию, т. к. в квартире, которую занимал Соболев, уже полмесяца жил первый секретарь Хабаровского крайкома. В дополнение он сообщал, что непонятно значение этой операции, т. к. Соболев увез не только свои, но даже и кое-какие казенные вещи. В бывшем служебном кабинете Соболева никаких документов также не обнаружилось. Имелись сведения, что какие-то документы уничтожил помощник Соболева Уланов, уехавший вместе с ним.

Кроме того, Донской посчитал необходимым сообщить о Горбаче. «В связи с тем, что задержалось назначение начальников НКВД в ДВК, Горбач чувствует себя неуверенно. После ареста Ямницкого и Серикова стал нервничать еще больше». Донской считал очень важным ускорить решение по вопросу о назначении начальника УНКВД края. При решении этого вопроса просил учесть мнение о том, что работу Особого отдела во 2-й Отдельной краснозна-

менной армии целесообразно выделить из подчинения краевого НКВД, создав там самостоятельный аппарат⁷².

18 ноября 1938 г. в дополнение к разговору с Маленковым по прямому проводу Донской сообщил, что Соболев своими указаниями об исключениях из партии создал такую обстановку в крае, при которой коммунисты больше думали о своей судьбе, чем об укреплении границы, разоблачении врагов и т. д. Коммунисты не могли в этой обстановке по-настоящему помогать чекистам, в парторганизациях царил неуверенность. В результате органы НКВД очистительную работу вели изолированно, райкомы зачастую не знали об арестах лиц, имевших партбилеты, а в колхозах и деревнях главную роль играли проводившие аресты милиционеры. Благовещенск и вся Амурская область представлялись Донскому одним из вероятных направлений японского удара, и только в интересах врага было создать в этих районах обстановку разброда, «ожидания событий», перенести эти настроения в среду красноармейцев, в гарнизоны, расположенные на границе.

История повторилась. Теперь Донской «сливал компромат» на Соболева. По его мнению, Соболев давал свои установки именно с этих позиций, и Горбач, безусловно, виноват в том, что он ограничивался ролью «беспристрастного наблюдателя». Он был обязан, как коммунист, как чекист, отвечающий за политическую обстановку в крае, вести себя более активно. Он же в лучшем случае только «в душе» сомневался в правильности поведения Соболева. Наиболее опасным является то обстоятельство, что очистку проводил бесконтрольно такой аппарат, который нуждался в особом контроле. Нужно иметь в виду, что работники НКВД подбирались в Амурской области и «воспитывались» в течение ряда лет врагами, сидевшими там на руководящих постах, и именно они проводили операцию.

Донской сделал вывод, что Амурская область не очищена до конца. Там исключали из партии, не объясняли происходящего коммунистам, «а до врагов еще не добрались, как следует». Считал, что нужно будет многое сделать, чтобы действительно включить в эту работу коммунистов. Нельзя мириться с таким положением, когда парторганизации стоят в стороне от работы чекистов. Он назвал «пятой колонной» семьи репрессированных, живущие в городах Амурской области. В Благовещенске, всего в 200–300 м от маньчжурского Сахалина, жило около 2000 семей репрессированных, тоже встречалось и в других пунктах. «Это большие цифры, если принять во внимание малочисленность края». Донским с Горбачем был намечен ряд мер по очистке Хабаровска, Благовещенска и других городов. Шла работа по укреплению партийными кадрами Амурской области⁷³.

Для подтверждения своих выводов о Соболеве 30 ноября 1938 г. Донской направил шифротелеграмму Маленкову, в которой сообщал свои наблюдения о связях Соболева с лицами, работающими в других областях. Так, Хворостян, по его словам, очень близкий ему человек. Зарифов и Бабушкин, работающие в первом отделе центра, – люди, с которыми он, по его словам, «связан кровью». Работающий там же Костиков привезен Зарифовым из Горького, и «наш настойчиво просил отпустить его в Хабаровск». Михельсон, раньше работавший начальником в Крыму, а сейчас в НКВДе, его личный друг. Щучкин в свое время рассказывал об аресте некой латышки в Крыму, после того как она сказала, что ей кажется, что Михельсон не то лицо, за которое он себя выдает. Все это Донской «решил сообщить для верности»⁷⁴.

В 1939 г. японцами была совершена вооруженная провокация против Монгольской Народной Республики на р. Халхин-Гол. Начало конфликту положили требования Японии о признании реки границей между Маньчжоу-Ди-Го и Монголией. Старая граница проходила в

---

⁷² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 122.

⁷³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 123–125.

⁷⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 306. Л. 126.

20–25 км восточнее. Одной из причин такого требования являлось желание японцев обеспечить безопасность строящейся в этом районе железной дороги Халун-Аршан-Ганьчжур.

Еще в 1935 г. начались столкновения на монголо-маньчжурской границе. Начавшиеся переговоры между представителями Монголии и Маньчжоу-Ди-Го о демаркации границы к осени этого года зашли в тупик.

12 марта 1936 г. между СССР и МНР был подписан «Протокол о взаимопомощи», в соответствии с которым с 1937 г. на территории Монголии были развернуты части Красной армии. Это не устраивало японцев. 11 мая 1939 г. отрядом японской кавалерии численностью до 300 чел. была атакована монгольская пограничная застава на высоте Номон-Хан-Бурд-Обо. 22 мая советские войска перешли Халхин-Гол и отбросили японцев к границе. С 22 по 28 мая в районе конфликта сосредоточились значительные силы.

28 мая японские войска, обладая численным превосходством, перешли в наступление, ставя цель окружить противника и отрезать его от переправы на западный берег Халхин-Гола. Советско-монгольские войска отступили, но план окружения сорвался. На следующий день союзнические войска провели контрнаступление, отеснив японцев на исходные позиции.

2 июля японская группировка вновь перешла в наступление. Войска форсировали р. Халхин-Гол и после ожесточенного боя захватили на ее западном берегу г. Баян-Цаган, находящуюся в 40 км от маньчжурской границы. Вокруг горы развернулись ожесточенные бои. С обеих сторон в них участвовало до 400 танков и бронемашин, более 800 артиллерийских орудий и сотни самолетов. К вечеру 4 июля японские войска удерживали только вершину Баян-Цагана – узкую полосу местности в пять километров длиной и два километра шириной. 5 июля войска противника начали отступление в сторону реки. На склонах г. Баян-Цаган погибло более 10 тыс. японских солдат и офицеров. Были потеряны почти все танки и большая часть артиллерии. Однако японские войска продолжали оставаться на территории Монголии, военное руководство Японии планировало новые наступательные операции. Таким образом, очаг конфликта в районе Халхин-Гола сохранялся.

8 июля японская сторона вновь начала активные боевые действия, предприняв наступление на восточном берегу Халхин-Гола, но 11 июля в результате контратаки советских танков и пехоты японские войска были отброшены на исходные позиции. 23 июля японцы после артиллерийской подготовки вновь начали наступление на правобережный плацдарм советско-монгольских войск. Однако после двухдневных боев, понеся значительные потери, им пришлось отойти на исходные позиции.

Наступление советско-монгольских войск, начавшееся 20 августа, оказалось полной неожиданностью для японского командования. Бронетанковые и механизированные войска Южной и Северной групп советско-монгольских войск к исходу 26 августа соединились, завершив полное окружение 6-й армии противника. После чего началось ее дробление отсекающими ударами и уничтожение по частям. Попытки японского командования провести контратаки и деблокировать окруженную группировку закончились неудачей. К утру 31 августа территория МНР была полностью очищена от японских войск.

4 и 8 сентября японские войска предприняли новые попытки проникновения на территорию Монголии, однако сильными контрударами были отброшены за линию государственной границы. 15 сентября 1939 г. было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе р. Халхин-Гол, которое вступило в силу на следующий день.

Горькое поражение не позволило японцам осуществить на практике создание в конце 30-х гг. XX в. буферного государства на советском Дальнем Востоке. Оно несколько охладило воинственный пыл японских милитаристов и вынудило их проводить более осторожную политику по отношению к СССР. Однако это не означало окончательного отказа Японии от своих планов. Штаб КГВ просил Генеральный штаб императорской армии увеличения в Маньчжурии

японских войск путем введения воинской повинности для местного населения и ввода новых частей с островной Японии. Особое внимание обращалось на авиацию, танковые и артиллерийские части, улучшение технического оснащения дислоцирующихся в Маньчжурии соединений.

24 марта 1941 г. состоялась встреча Сталина с министром иностранных дел Японии Ё. Мацуокой, который объяснил причины, по которым он просил его принять. Сообщил, что собирается посетить Германию и Италию. После возвращения из поездки желал еще раз посетить Москву с целью улучшения японо-советских отношений. Сталин ответил, что желание Мацуоки остановиться на обратном пути в Москве будет приветствоваться. Улучшение отношений между СССР и Японией вполне возможно, и если новая встреча необходима, то он готов встретиться еще раз. Мацуока рассказал, что в Японии верховная власть находится в руках императора (Тенно). Однако это не совсем верно, ибо в Японии уже давно коммунизм. Мацуока назвал его моральным коммунизмом. Англосаксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма. Однако сейчас, продолжал Мацуока, создалась группа лиц, правда, незначительная, которая стремится распространить свои принципы на все Великое азиатское пространство и которая называет принцип своей политики японским словом «Хаккоичю», что в переводе означает «всемирный мир, основанный на справедливости». Мацуока заявил, что если Сталин понимает, что он хочет сказать, и если у советской стороны будет соответствующее понимание и желание идти вместе, то Япония готова идти рука об руку с Советской Россией.

Касаясь японо-китайской войны, Мацуока отметил, что Япония ведет войну не с китайским народом, а с англосаксами, т. е. с Англией и Америкой. Япония ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англосаксонских капиталистов. Поэтому японо-китайский конфликт нужно рассматривать под этим углом зрения. В связи со сказанным Мацуока просил учесть намерения Японии в Китае. В ответ Сталин сказал, что какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон⁷⁵.

Уже 12 апреля состоялась вторая встреча Сталина с Мацуокой, в ходе которой последний заявил, что за время своего пребывания в СССР хотел заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий в порядке дипломатического блицкрига. Он считал, что подписание такого пакта будет полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР. Констатировал, что его желание не увенчалось успехом. Он уезжает с сожалением, что пакт не подписан. Мацуока напомнил, что он пригласил Молотова посетить Японию. Личные визиты, а также ответные визиты могут способствовать сближению двух стран, и это могло бы иметь положительный результат для японо-советских отношений.

После этого министр иностранных дел Японии высказался по следующим моментам:

– Япония имеет с Германией союзный договор, однако из этого не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то Япония предпочтет посредничать между СССР и Германией;

– коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если подойти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это нужно допустить, и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза. У него сложилось убеждение, что судьбу Азии решают две силы – Япония и СССР;

---

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 404. Л. 83–88.

– для того чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах;

– Япония ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Она хочет добиться изгнания из Китая англосаксов. Чан Кайши – агент англо-американского капитала, и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией;

– относительно т. н. морального коммунизма Мацуока говорил, что он не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англосаксонского капитализма. Его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитализма из Азии.

Сталин отметил, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Однако пакт четырех еще не назрел, т. к. Гитлер заявил, что не нуждается в военной помощи других государств. Сталин считал, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о создании этого пакта. Поэтому СССР и ограничивался вопросом пакта о нейтралитете с Японией. Вопрос назрел. 30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как враги. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но он не принес дружбы.

У Сталина не было возражений против текста пакта, только пункт о Маньчжоу-Ди-Го и МНР вызывал сомнения. Если между Японией и СССР будет существовать пакт, то поле для конфликтов между Монголией и Маньчжоу-Ди-Го останется. Сталин предложил в той или иной форме сказать относительно двух данных стран, т. к. в противном случае получилось бы, что Япония может напасть на МНР, а СССР – на Маньчжоу-Ди-Го. В результате будет война между СССР и Японией.

Мацуока ответил, что предложение советского правительства передал японскому правительству. Так как у Японии с Маньчжоу-Ди-Го не союзные отношения, то Мацуока считал, что лучше о ней и МНР сказать в декларации. Сталин сказал, что все равно где, и заявил, что разногласий по этому вопросу нет. Остаются разногласия относительно протокола о ликвидации концессий.

Против пакта у Мацуоки также никаких возражений не было, кроме редакционных поправок. Что же касается протокола о ликвидации концессий, то он считал, что т. к. в скором времени будут заключены торговый договор и рыболовная конвенция, то создастся хорошая атмосфера для разрешения вопроса о концессиях, а пока что он хотел бы ограничиться передачей Молотову конфиденциального письма и подписать пакт о нейтралитете без протокола.

Сталин заявил, что все беседы, которые вел Мацуока с Молотовым, и его беседа убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры и что Япония действительно хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В чем он раньше сомневался. Теперь у него эти сомнения исчезли. Сталин сказал, что не хотел бы затруднять положение Мацуоки, который вынужден довести до конца борьбу со своими преемниками в Японии, и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига.

Тогда Мацуока заявил, что по концессионным вопросам лучшим и коренным способом его разрешения была бы продажа Японии северной части о. Сахалина, но т. к. советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти иной способ разрешения вопроса о концессиях. Мацуока не мог взять на себя обязательства по ликвидации концессий в 2–3 мес., т. к. ему нужно вернуться в Японию и там работать, чтобы правительство и народ поняли необходимость этого. Он имел инструкцию, где говорилось о продаже Северного Сахалина, но т. к. СССР не соглашался, «то ничего не поделаешь».

Сталин подошел к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, сказал: «Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан – пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь Вы хотите

взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, хотите нас задушить? Какая же это дружба?»

В ответ Мацуока сказал, что это было бы нужно для создания нового порядка в Азии. Кроме того, Япония не возражала против того, чтобы СССР вышел через Индию к теплому морю. Ему непонятно, почему СССР, имеющий огромную территорию, не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте. Это создаст спокойствие в этом районе. Сталин ответил, что это даст спокойствие для Японии, а СССР придется вести войну в Индии. По мнению советского лидера, это не годилось. Сталин считал, что желание японцев взять Северный Сахалин сродни желанию мешать жить Советскому Союзу.

Далее уточнялись поправки, решались различные технические вопросы. В заключение беседы Сталин, Молотов и Мацуока договорились о выделении представителей обеих сторон для уточнения текста пакта и составления совместной декларации относительно МНР и Маньчжоу-Ди-Го и т. п.⁷⁶

13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете между Японией и СССР был подписан. Однако этот шаг необходимо рассматривать как очередной маневр японской дипломатии. В Японии полагали, что в случае агрессии Германии против СССР, несмотря на заключенный договор о нейтралитете, Япония выступит на стороне Германии. Мацуока в беседе с германским послом в Японии Э. Оттом заверил, что в случае конфликта между Германией и Россией Япония нападет на последнюю.

Необходимо отметить, что Япония заблаговременно была информирована о намерении Германии напасть на СССР. Более того, японское военно-политическое руководство ждало этого нападения, связывая его с собственными планами по захвату советских территорий на Дальнем Востоке и в Сибири. Еще 10 июня 1941 г. оно разработало документ под названием «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем», где было зафиксировано, что в ходе предстоящей германо-советской войны, когда складывающаяся обстановка станет выгодной для Японии, против Советского Союза будут применены вооруженные силы. То есть подразумевалось, что политика Японии в отношении советско-германской войны будет носить выжидательный характер. Японские вооруженные силы будут готовы выступить против советского Дальнего Востока в зависимости от успеха действий немецко-фашистских войск на Восточном фронте.

С 25 июня 1941 г. в Японии стали регулярно проводиться заседания координационного комитета и императорской ставки. На них именно Мацуока настаивал на принятии политического решения в пользу немедленного выступления Японии против СССР вслед за Германией. Он считал, что Японии необходимо успеть выступить еще до победы Германии, чтобы не оказаться обделенной. «Если Германия победит и завладеет Советским Союзом, Япония не сможет воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для этого». Мацуока полагал также, что не следует опасаться возможного выступления США на стороне СССР в противоборстве с Германией. Он считал, что Соединенные Штаты не захотят помочь России, т. к. они ее ненавидят. Доказывал, что успешные боевые действия японской армии против СССР ускорят окончание японо-китайской войны. Эти действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнуть его на заключение мира с Японией⁷⁷.

К 25 июня японский Генеральный штаб, осуществляя подготовку нападения на Советский Союз, разработал график практической реализации этого плана, который был утвержден ставкой японского военного командования. Он включал в себя следующие позиции: принятие решения по мобилизации – 28 июня; издание директивы о мобилизации – 5 июля; начало пере-

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 404. Л. 91-101.

⁷⁷ Ямпольский В. П. Ё. Мацуока: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска». О плане блицкрига японской военины на Советском Дальнем Востоке в 1941 году // Военно-исторический журнал. 2000. № 3. С. 50–55.

броски и концентрации войск – 20 июля; начало военных действий – 29 августа; переброску четырех дивизий из Японии – 5 сентября; завершение операции – середина октября. Анализ этого графика свидетельствует о том, что командование японских вооруженных сил, планируя нападение на Советский Союз, рассчитывало, как и германский вермахт, осуществить против СССР «молниеносную» войну, аналогичную немецкому плану «Барбаросса»⁷⁸.

Однако недавнее поражение на Халхин-Голе несколько скорректировало планы японского правительства, что сыграло свою роль в отказе Японии от нападения на Советскую Россию в декабре 1941 г., когда войска Германии стояли под Москвой. Это позволило в самые трудные дни обороны столицы перебросить с Дальнего Востока до 20 стрелковых дивизий и несколько танковых соединений, сыгравших важную роль в отпоре врагу. А в дальнейшем Красной армии перейти в контрнаступление.

Из телеграмм итальянского посла в Японии М. Инделли, направленных им 2 июля 1941 г. в МИД Италии, следовало, что министр иностранных дел Японии Мацуока уже вызывал к себе послов Италии и Германии. Им были сделано устное и строго конфиденциальное сообщение в отношении политики японского правительства перед лицом войны, проходящей между Италией и Германией с одной стороны и Советской Россией – с другой. Министр заявил, что Япония готовится соединить свои силы с силами двух союзниц, чтобы активно бороться с коммунистической угрозой, и намерена, наблюдая за развитием ситуации, со всей своей решительностью уничтожить коммунистический режим, который там установлен.

В то же время, сообщал итальянский посол, японское правительство хотело обеспечить себе во французском Индокитае опорные пункты, дающие возможность Японии усилить свой нажим на Великобританию и США. С этой целью «Япония осуществляла постоянную бдительность на Тихом океане, включая юго-западную часть океана, с целью сдерживания этих держав и будет продолжать эти свои усилия, интенсифицируя их там, где это необходимо. Инделли полагал, что японское правительство не замедлит действовать сообразно с целями и духом трехстороннего пакта»⁷⁹.

В ходе Второй мировой войны военно-политические верхи милитаристской Японии лелеяли планы создания в пределах советского Дальнего Востока марионеточного образования со столицей в г. Чите. Из сообщения Харбинской резидентуры НКГБ СССР от 15 июля 1941 г. следовало, что штабом КГВ был разработан план создания на советском Дальнем Востоке буферного государства в рамках территории бывшей Дальневосточной республики. С занятием немцами Москвы планировалось сформированные из русских эмигрантов (преимущественно казаков) части ввести на территорию СССР, поднять восстание и независимо от размера захваченной территории провозгласить антисоветскую власть. Временным наместником на Дальнем Востоке планировался атаман Г. М. Семенов⁸⁰, который должен был обратиться за помощью к Японии и КГВ. Предполагалось, что японцы должны были ввести войска на Дальний Восток, начав действия против Красной армии. Тем самым японцы избегали объявления войны.

В связи с этими планами русский отдел японской военной миссии (ЯВМ) имел задание выяснить дислокацию советских войск на Дальнем Востоке и подготовить воззвание к русскому населению с призывом к восстанию. В это время 24 июля 1941 г. секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б) Г. А. Борков направил И. В. Сталину шифртелеграмму, в которой сообщал

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946), российский военный деятель. Генерал-лейтенант (1919). Эмигрировал в 1921 г. Активный деятель белоэмигрантского движения в Маньчжурии. Глава Дальневосточного союза казаков. Задержан 22 августа 1945 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 30 августа 1946 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-4, ч. 1 ст. 58-6, 58-8, 58-9, ч. 2 ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к смертной казни через повешение. В 1994 г. обвинение по ч. 2 ст. 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда) снято.

о том, что Военному совету Дальневосточного фронта правительством предписано провести большие учебные сборы приписного состава. По его мнению, командование в основном правильно решает эту задачу. Его во всем этом деле смущало то, что военные руководители спешат с вопросами эвакуации семей начальствующего состава. Он указал, что в шифровке Генштаба РККА от 21 июля в пункте 10 сказано: «Семьи начсостава из угрожаемых районов эвакуировать в восточные области СибВО, и в первую очередь семьи начсостава частей, убывших в другие округа».

22 июля на имя начальника УНКВД СССР по Хабаровскому краю поступила шифровка за подписью заместителя наркома внутренних дел СССР комиссара ГБ 3-го ранга В. В. Чернышова, адресованная органам НКВД Хабаровского, Приморского краев, Бурят-Монгольской, Якутской АССР, Читинской и Иркутской областей, в которой приказано вывезти из угрожаемой прифронтовой полосы в тыловые районы семьи работников НКВД и уже 30 июля доложить об исполнении указания.

Борков понимал, что готовиться к эвакуации из прифронтовой зоны некоторых семей, и тем более детей и престарелых, необходимо. Но не ожидал, что так быстро надо от планов перейти к действию. В связи с этим просил Сталина дать указания по этому вопросу. Сталин написал ответ: «Хабаровск. Секретарю крайкома Боркову. Семьи пограничников и комсостава нужно эвакуировать из прифронтовой полосы. Отсутствие такого мероприятия привело к уничтожению членов семей комсостава при внезапном нападении немцев. То же самое может случиться при внезапном нападении японцев»⁸¹.

Ожидая оккупации японскими войсками советского Дальнего Востока, свою выгоду в будущем военном конфликте искали и третьи силы. Из письма резидента НКВД СССР в Чунцине об отношении гоминьдановцев к нападению Германии на Советский Союз и подготовке Японии к войне против СССР от 30 июля 1941 г. следовало, что эту войну с нетерпением ожидал Чан Кайши. По его расчетам, за германским выступлением против СССР последует японское. Это должно было повлечь за собой общее ослабление СССР и Японии. Отсюда – неизбежный вывод японских войск из Китая и в перспективе почетный для Китая мир.

Выступление Японии против СССР способствовало разрешению и внутреннего вопроса в Китае – т. н. коммунистической проблемы. Ибо, как заявляли гоминьдановцы, войска КПК обязаны были защищать свое пролетарское государство, т. е. СССР. С этой целью, развивая боевые действия в северном направлении, КПК вынуждена будет покинуть занимаемый ею пограничный район Шеньси – Ганьсу – Нинся и уйти в Маньчжурию.

---

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 17–18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.